

БЕСТСЕЛЛЕР THE NEW YORK TIMES

АЛИ

ЖИЗНЬ

ДЖОНАТАН ЭЙГ

ПОВЕДИТЕЛЬ В НОМИНАЦИИ «БИОГРАФИЯ ГОДА» ПО ВЕРСИИ THE TIMES

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ PEN/ESPN

Джонатан Эйг Али: Жизнь

Серия «Биографии выдающихся людей»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64360731

Али. Жизнь: Издательство АСТ: Кладезь; М.; 2021

ISBN 978-5-17-121276-6

Аннотация

Джонатан Эйг, один из лучших рассказчиков Америки, во время работы над этой книгой провел более шестисот интервью с более чем двумястами человек, так или иначе связанных со спортивной легендой, и поднял множество архивных источников. Всё это позволило воссоздать достоверную, полную деталей историю, в которой Али раскрывается с новой, неожиданной стороны. Слово машины времени она перенесет вас максимально близко, насколько это возможно, к молодому Кассиусу Клею, его матери, отцу и многим другим; к борцу за справедливость, кумиру молодежи и любимцу женщин – Мухаммеду Али.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог: Майами, 1964	5
Раунд 1. Претендент: Кассиус Клей	5
Раунд 2. Чемпион: Сонни Листон	7
Раунд 3. Священнослужитель: Малкольм Икс	9
Раунд 4. Претендент: Кассиус Клей	12
Раунд 5. Чемпион: Сонни Листон	14
Раунд 6. На ринге	15
Часть 1	21
1. Кассиус Марселлус Клей	21
2. Самый громкий ребенок	27
3. Велосипед	52
4. Райские деньки	69
5. Пророк	96
6. Я молод, и мне плевать	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Джонатан Эйг

Али. Жизнь

Посвящается Лоле

Jonathan Eig

ALI: A LIFE

Originally published in the United States of America by
Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company

©2017 by Jonathan Eig

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог: Майами, 1964

Раунд 1. Претендент: Кассиус Клей

Длинный черный «Кадиллак» скользит вдоль покачивающихся пальм и останавливается перед общественным центром «Серфсайд». Полуденное солнце играет на хромированных бамперах автомобиля. Из него выходит Кассиус Клей. Одетый в сшитую на заказ джинсовую куртку, молодой боксер щегольски размахивает тростью.

Он оглядывается – не заметил ли его кто-нибудь?

Еще нет.

Он выкрикивает: «Я величайший человек в истории! Я король!»

Клей высокий и невероятно привлекательный, неотразимая улыбка сияет на его лице. Он обладает магическим притяжением, которое моментально располагает к нему людей. Звучат гудки. Машины на Коллинс-Авеню останавливаются. Женщины выглядывают из окон отеля и выкрикивают его имя. Мужчины в шортах и девчонки в обтягивающих брюках собираются, чтобы посмотреть на этого хвастливого боксера, о котором они столько слышали.

«Порхай как бабочка! Жаль как пчела! – кричит он. – Руки работают, видят глаза! Ар-р-р!»

По мере того как толпа зевак растет, на место прибывает начальник полиции и пытается увести Клея с улицы на парковку, где от него будет меньше проблем. Газетный фотограф направляет на него камеру, но вместо того чтобы улыбнуться, Клей раскрывает рот в карикатурном вопле. Он замахивается левой, и удар останавливается в нескольких дюймах от камеры.

«Я хорош собой и быстр как молния, – говорит он со своим очаровательным южным акцентом уроженца Кентукки. – Мне всего лишь двадцать два, но я заработаю миллион долларов!»

Раунд 2. Чемпион: Сонни Листон

Левая рука Сонни Листона – таран, а правая – кувалда.

Бум! Бом! Бум! Бом!

Он лупит грушу так сильно, что стены ходят ходуном, а руки спортивных журналистов подпрыгивают, пока они выдумывают всё новые красочные синонимы для слова «страшный».

Листон – один из самых грозных противников не для одного поколения боксеров. С его кулаками в пятнадцать дюймов каждый и выпяченной вперед грудью, как перед танка М4 «Шерман», он выглядит бесстрашным и необузданным.

Необузданным настолько, что однажды затеял драку с копом, избил его до потери сознания, стащил у него оружие, спрятал его тело в переулке и как ни в чем не бывало пошел своей дорогой, нахлобучив фуражку полицейского и улыбаясь.

Листон не просто побеждал своих оппонентов – он ломал их, унижал и преследовал в ночных кошмарах.

Сонни Листон был проклятием Америки, черной угрозой, которая уходила корнями в самые ужасные расистские стереотипы белых. И его это полностью устраивало.

«На свете есть хорошие и плохие парни, – сказал он, сравнивая мир с фильмом о ковбоях. – Считается, что плохие парни должны проигрывать. Я изменил это правило. Я побе-

дитель».

Узнав, что молодой человек, с которым ему предстоит сразиться за титул чемпиона в тяжелом весе, стоит снаружи общественного центра, где он тренировался, Листон вышел под лучи солнца, чтобы посмотреть на возмутителя спокойствия. Он отмахивается от вытянутых рук фанатов и направляется прямо к Клею, пока не приближается к нему почти на расстояние удара.

Листон останавливается и улыбается.

«Клей, – сообщает он репортеру, – он всего лишь маленький мальчик, которого нужно отшлепать».

Раунд 3. Священнослужитель: Малкольм Икс

В тесном и мрачном номере отеля неподалеку от Международного аэропорта Джона Кеннеди в Нью-Йорке тридцативосьмилетний Малкольм Икс рассказывает свою историю репортеру. Малкольм высокий и худой человек с волевым подбородком. На его носу сидят очки в роговой оправе. Даже улыбка не сглаживает суровое выражение его лица.

По ходу своего рассказа Малкольм отмеряет комнату шагами, присаживаясь только для того, чтобы нацарапать очередную заметку на салфетке. Ему не терпится дожить до седины, чтобы выпустить свою автобиографию. Недавно его исключили из «Нации ислама» из-за неповиновения Элайдже Мухаммаду, лидеру этого радикального движения, и он до сих пор не знает, примут ли его обратно. Несколько месяцев до этого Элайджа Мухаммад поручил своим приближенным не комментировать убийство президента Кеннеди из уважения перед скорбящей нацией, но Малкольм не смог удержаться от высказываний, заявив, что убийство было ожидаемым ответом на насилие Америки во Вьетнаме, Конго и на Кубе. «Я вырос на ферме, – сказал Малкольм, – и меня никогда не расстраивали цыплята, вернувшиеся на насест; они меня всегда радовали». Но были и другие факторы, другие силы, которые вносили раздор между Малкольмом и его учи-

телем.

Малкольм узнал, что несколько женщин, которые работали в «Нации ислама», зачали детей от Элайджи Мухаммада. После того как он рассказал другим членам организации о возмутительном поведении их лидера, это привело Мухаммада в такую ярость, что до Нью-Йорка дошли слухи, будто лидер «Нации» распорядился заткнуть Малкольма Икса навеки.

Всю свою жизнь Малкольм выживал. Он пережил бедность, тюрьму, поножовщину. Он планировать пережить и это.

Именно здесь начинается его борьба за выживание: в гостиничном номере возле аэропорта, в работе над своей автобиографией. Слова придают ему силу. Малкольм не собирался позволить Элайдже Мухаммаду, Федеральному бюро расследований Джона Эдгара Гувера, белым СМИ или кому-либо еще заклеить его. Он опишет себя и свое новое мировоззрение своими собственными словами и на своих условиях. В Америке зарождается великая революция. Господствующие порядки подвергаются нападкам с яростью, невиданной со времен Гражданской войны. Чернокожие мужчины и женщины пробуждаются и борются за власть. Наступают долгожданные перемены, и Малкольм полон решимости способствовать им – если потребуется, то насильно. И плевать, что скажет Элайджа Мухаммад или кто-либо еще.

В два часа ночи Малкольм покидает отель и едет домой в

Куинс. Агент ФБР следит за каждым его движением. Позже в тот же день Малкольм, его жена и три дочери сели на самолет, чтобы отправиться в их первый семейный отпуск. Это тоже было частью плана Малкольма. Он хочет, чтобы мир увидел, что он не безумец-террорист, но отец, муж и слуга Божий, который верит, что Америка может и должна измениться. Он планировал сделать фотографии и путевые заметки для газеты и опубликовать их в очерке под названием «Малкольм Икс, семьянин».

Когда самолет сел в Майами, Малкольма с его семейством ждал автомобиль, чтобы доставить их в мотель для черных в Майами-Бич. Согласно информатору ФБР, за рулем был Кассиус Клей.

Раунд 4. Претендент: Кассиус Клей

Клей кричит, словно одержимый демонами: «У тебя нет ни единого шанса, тебе ни за что меня не одолеть, и ты это прекрасно знаешь!»

Утром перед боем соперники встречаются с прессой, демонстрируют свои могучие тела и встают на весы. Комната для взвешивания пропахла сигаретным дымом, запахом тел и дешевого одеколона. Репортеры еще никогда не видели, чтобы профессиональный спортсмен вел себя так возмутительно. Кто-то даже решил, что Клей окончательно потерял рассудок в страхе перед Сонни Листоном.

Помещение наполнилось гомоном голосов, но громче всех говорит Клей.

«Ни единого шанса! Ни единого шанса!» – кричит он, не обращая внимания на организаторов, которые угрожают оштрафовать боксера, если он не утихомирится. Как и Малкольм Икс, Клей не собирался плясать под чужую дудку. Вопреки всему он добьется успеха и бросит вызов всем, кто вздумает контролировать или эксплуатировать его.

Клей указывает на Листона, заявив, что он готов сразиться с чемпионом прямо сейчас, в эту же секунду, без перчаток, без рефери, без гонорара и болельщиков – один на один. Его лицо выражает абсолютную серьезность. Скинув белый халат, он демонстрирует свое высокое поджарое тело,

рельеф брюшных и грудных мышц. Он делает резкий выпад в сторону Листона, но члены его окружения хватают и удерживают его.

Может быть, Клей не сошел с ума. Может быть, он инстинктивно знает или усвоил это в детстве, когда был жертвой издевательств со стороны своего жестокого отца: самое худшее, что может сделать загнанный человек, это показать свой страх.

«Я ВЕЛИЧАЙШИЙ! – кричит Клей. – Я ЧЕМПИОН!»

Раунд 5. Чемпион: Сонни Листон

Листон предупреждает оппонента о кратко- и долгосрочных последствиях своего сокрушительного удара. Посвящая репортера в ужасающие подробности, он вставляет костяшки одной огромной руки в канавки между костяшками другой и читает лекцию: «Разные части мозга расположены в маленьких чашечках, как я показываю. Если получите сильный удар – бац! – мозг выпрыгивает из этих чашек и вы теряете сознание. Затем он возвращается на место, и вы приходите в себя. Но когда это случается несколько раз, а порой хватает даже одного достаточно сильного удара, мозг занимает неправильное положение в этих чашечках. После этого вам понадобится помощь других людей, чтобы обслуживать себя».

Кассиус Клей мог продержаться пару раундов, но Листон обещал, что рано или поздно он прижмет своего оппонента к стенке. Когда это случится, он вмажет так сильно, что мозг Клея выскочит из черепушки.

Раунд 6. На ринге

Серый дым висит под ослепительно белыми огнями ринга, искажая все пространство вокруг. Репортеры стучат по своим портативным печатным машинкам и смахивают сигаретный дым с галстуков. Представители прессы не вели споров о том, кто этим вечером одержит победу. Единственный вопрос, который, казалось, всех волновал – покинет ли Кассиус Клей ринг без сознания или мертвецом.

По крайней мере, небольшой процент собравшихся в «Конференц-центре Майами-Бич» понимали, что их ожидает нечто большее, чем боксерский поединок. Они чувствовали, что под безмятежной гладью американской жизни начали бурлить решительные и свободолюбивые силы, а Кассиус Клей был вестником грядущих перемен, радикалом в облике американского спортсмена. «Он дурачит их, – сказал Малкольм Икс перед боем. – Люди забывают, что шуту не под силу прикинуться мудрецом, но мудрец может прикинуться шутом».

Малкольм всматривается в огни ринга с первого ряда, где вместе с ним сидят певец Сэм Кук и боксер Шугар Рэй Робинсон. Поговаривают, что Малкольм планирует переманить Кассиуса Клея в лагерь черных мусульман.

На первом ряду расположился бывший чемпион-тяжеловес Джо Луис. Он наклонился к микрофону и комментировал

вал происходящее для фанатов, которые увидят бой в черно-белом цвете на экранах кинотеатров по всей стране. Луис, в свою бытность на ринге известный под псевдонимом «Коричневый бомбардировщик», был величайшим боксером-тяжеловесом своего поколения – чернокожий мужчина, который заслужил уважение белых американцев за свою службу во время Второй мировой войны, одолев немецкого боксера Макса Шмелинга в 1938 году, а также за свое смирение, ведь даже будучи чемпионом, Луис всем своим поведением показывал, что не является ровней обычным белым американцам.

Клей выходит на ринг и сбрасывает свой халат, демонстрируя белоснежные атласные шорты с красными полосками. Он танцует на своих длинных проворных ногах и колотит по воздуху, чтобы расслабиться. Листон вынуждает Клея подождать, а затем тяжелой поступью, медленно и бесшумно, ступает по арене и выходит на ринг.

Мужчины обмениваются взглядами.

Прозвенел гонг.

«Это был единственный раз, когда я испытывал страх на ринге», – скажет Клей много лет спустя, уже после того как он стал трехкратным чемпионом в тяжелом весе; после того как он объявил о своей приверженности «Нации ислама» и взял себе имя Мухаммед Али; после того как он стал самым презираемым человеком Америки, а затем в мгновение

ока превратился в одного из главных любимцев американцев; после того как он успел примерить на себя все роли, от уклониста до американского героя; после того как он стал одним из величайших в истории боксеров-тяжеловесов: боец с непревзойденным сочетанием скорости, силы и выносливости, одаренный причудливой способностью поглощать боль и держаться на ногах; после того как он стал самым известным человеком на планете, «самим духом двадцатого века», как выразился один писатель; после того как болезнь Паркинсона и порядка 200 000 ударов по голове и корпусу лишили его тех самых качеств, возвысивших его до статуса легенды: скорости, силы, очарования, высокомерия, острого языка, грации, brutальной мужественности и мальчишеского блеска в глазах, в котором читалось желание боксера быть любимым, несмотря на все свои возмутительные выходки.

Слава Кассиуса Клея красной нитью прошла через эпоху борьбы чернокожих за свои права, холодную войну, войну во Вьетнаме, террористические атаки 11 сентября 2001 года и вплоть до XXI века. Он станет свидетелем того, как его дом в Луисвилле, где он провел свое детство, превратится в музей, а в другой стороне города возведут еще один музей, побольше, чтобы увековечить его наследие для следующих поколений. Его жизненный путь будет вдохновлять миллионы, даже если одни будут обожать его, а в другие – ненавидеть.

Большая часть жизни Клея пройдет в муках социальной революции, чей огонь он поможет разжечь, освещая

путь своим чернокожим собратьям, которые заявили о своих правах и заставили расистское общество пересмотреть свои устои. Клей обретет славу в эпоху, когда слова и образы начнут молниеносно облетать земной шар, позволяя людям заявлять о себе так громко, как еще никогда раньше. Об Али будут слагать песни и стихи, снимать фильмы и ставить спектакли, вновь и вновь рассказывая историю его жизни, которая чаще будет напоминать помесь правды и вымысла, нежели правдивое отражение глубокой и тоскующей души, все это время бывшей у всех на виду. Его жажда страсти была неутомима, вовлекая его в отношения с бесчисленными девушками, включая четырех жен. Он получал деньги, о которых когда-то могли мечтать лишь нефтяные бароны и магнаты недвижимости. Его необычайное богатство и доверчивый характер сделали его легкой добычей для скользких жуликов. Он зарабатывал на жизнь, безжалостно издеваясь над своими противниками, прежде чем избить их на ринге, но стал всемирным символом терпимости, доброты и пацифизма.

«Я Америка, – хвастливо провозгласил Клей. – Я та ее часть, которую вы не знаете. Но вам придется смириться со мной. Черный, уверенный, дерзкий; мое имя – не ваше; моя религия – не ваша; мои цели – мои собственные; привыкайте ко мне».

Необычайный талант к боксу вознес его на вершину мира и стоял за многими противоречиями в его жизни. Но горь-

кая ирония заключается в том, что именно этот великий дар низверг его на самое дно.

В первые секунды боя Листон наносит мощные удары левой и правой в надежде на быстрый нокаут. Клей уворачивается, ныряет и отклоняется назад, словно у него резиновый позвоночник. Листон выпрыгивает вперед, заставляя Клея отступить к канатам, где крупные «силовики» обычно уничтожают подвижных противников. Но как только глаза Листона широко раскрылись в ожидании убийства, Клей скользит вбок, и левый хук Листона со свистом проносится мимо, попадая в воздух.

Клей танцует кругами, быстрый и легкий, словно колибри, а затем внезапно выбрасывает левый джеб прямо в лицо Листона. Удар достигает цели. Разом закричали тысячи голосов. Листон предпринял еще один мощный удар правой, но Клей ныряет и скользит влево, полностью его избежав. Он выпрямляется и энергично наносит еще один джеб прямо в цель, а затем еще один.

До конца раунда осталось меньше минуты, когда Клей нанес сокрушительный удар справа, вся мощь которого приходится на Листона. Клей танцует, затем на мгновение ставит ноги на землю и высвобождает пулеметную очередь быстрых ударов, правый-левый-правый-левый-левый-правый. Каждый удар попадает в цель.

Внезапно все меняется. Толпа ревет. Листон закрывается в защите.

Клей наглядно демонстрирует то, что он знал уже давно: дела говорят громче слов.

А главным делом Клея, безусловно, была борьба.

Часть 1

1. Кассиус Марселлус Клей

Его прадед был рабом. Его дедушка в споре из-за четвертака всадил пулю в сердце человека и отсидел в тюрьме за убийство. Его отец был пьяницей, любителем помахать кулаками в баре, бабником, который устраивал побои жене и в пьяном безумии порезал своего старшего сына. Таковы были корни Мухаммеда Али, одного из самых знаменитых и влиятельных людей нашего времени, который родился, как он сам говорил, под рабским именем Кассиуса Марселлуса Клея-младшего.

Джон Генри Клей, прадед Мухаммеда Али, считался живой собственностью своего рабовладельца и правительства Соединенных Штатов. Высокий, сильный и привлекательный мужчина с кожей кремово-коричневого оттенка принадлежал семье Генри Клея, американского сенатора из Кентукки, одного из самых темпераментных и противоречивых политиков своей эпохи. Генри Клей провозгласил рабство позором нации, мерзостью, которая развратила души хозяев и рабов, «великим злом... самым черным пятном в истории нашей страны».

Сенатор Клей смело выступал против рабства и основал

«Американское общество колонизации» с целью перевозки рабов из Америки обратно в Африку. Вместе с тем его семья в Кентукки продолжала владеть множеством мужчин, женщин и детей африканского происхождения.

Когда в 1846 году сын сенатора Клея, Генри-младший, отправился в Мексику на Американско-мексиканскую войну, он взял с собой молодого раба по имени Джон. По словам членов семьи Мухаммеда Али, этим рабом был Джон Генри Клей, прадед Али. Потомки Мухаммеда Али также утверждают, что Джон Генри Клей был незаконнорожденным сыном Генри Клея или Генри Клея-младшего. Если взглянуть на фотографии белого Генри Клея-старшего и черного Джона Генри Клея, то между ними можно заметить сходство, но до сих пор не было никаких попыток доказать их родство с помощью генетических тестов. Браки, рождения и смерти редко регистрировались среди рабов. Еще реже белые мужчины признавали отцовство детей, зачатых с черными женщинами, многие из которых были плодом не любви, а насилия. Имена ничего не доказывали. Имена были собственностью хозяев, а не рабов, и выполняли ту же функцию, что и клеймо для скота. Имена рабов менялись по прихоти или на аукционе. Часто, когда раб обретал свободу или сбегал из неволи, он праздновал это событие, выбирая себе новое имя. «Именно благодаря нашим именам мы впервые ощущаем себя частью мира», – подметил афроамериканский писатель Ральф Эллисон.

Первого января 1847 года Генри Клей-младший прислал письмо из Мексики своему сыну в Кентукки. В нем говорилось: «Джон поздравляет тебя с Рождеством. Он все еще со мной и оказался очень хорошим мальчиком. Он благодарит Бога за то, что цел и невредим, поскольку несколько его темнокожих компаньонов были убиты мексиканцами». Вскоре после написания письма Генри Клей-младший был убит, когда он вел свой полк в атаку. Джон Генри Клей вернулся в Кентукки все еще в статусе раба.

Точная дата его освобождения неизвестна. Согласно переписи Соединенных Штатов за 1870 год Джон Клей был женатым человеком, разнорабочим, отцом четырех детей и владельцем предприятия стоимостью в 2 500 долларов. С женой Салли у них было девять детей, включая Германа Хитона Клея, дедушку Мухаммеда Али, рожденного в 1876 году в Луисвилле.

Герман Хитон Клей бросил школу после третьего класса. Из него вырос красивый сильный и высокий мужчина. В 1898 году он женился на женщине по имени Присцилла Натер. У них родился мальчик, но брак не продлился долго. 4 ноября 1900 года, играя в кости в переулке Луисвилла, Герман Клей стащил у мужчины четвертак и отказался вернуть его. Позже в тот же день Герман заблаговременно сказал своему брату Кассиусу, что любому, кто побеспокоит его по поводу денег, «не поздоровится». Герман со своим братом стояли возле телефонного столба на углу Шестнадцатой

и Харни, когда они увидели Чарльза Дики, друга того человека, которого ограбил Герман. Дики был двадцатипятилетним неграмотным поденным рабочим. Зажав в руках трость с тяжелой ручкой, он приблизился к братьям Клей. Герман Клей держал при себе пистолет, а Кассиус блеснул ножом, чтобы Дики мог его видеть.

Дики спросил, зачем Кассиусу понадобился нож.

«Этот нож был у меня еще до того, как ты пришел», – сказал брат Германа.

«Должно быть, ты задумал что-то неладное...» – ответил Дики.

Согласно свидетелям, это были его последние слова. Герман Клей достал свой пистолет 38-го калибра и выстрелил прямо в сердце Дики. «Смерть была мгновенной», – писали в газете «Louisville Courier-Journal».

Герман сбежал с места преступления, но его быстро поймали. Он был осужден за убийство и приговорен к пожизненному заключению. Вскоре после оглашения приговора Присцилла подала на развод. Клей добился досрочного освобождения, проведя шесть лет в государственной тюрьме во Франкфурте, штат Кентукки. Три года спустя, 30 декабря 1909 года, он женился на Эдит Грейтхаус. Они воспитывали двенадцать детей. Их первый ребенок, Эверетт Клей, зарезал свою жену бритвой и умер за решеткой. Их второй ребенок, Кассиус Марселлус Клей, родившийся 11 ноября 1912 года, стал отцом Мухаммеда Али.

В двадцатом веке рабство алело ярким шрамом на семье Клеев. Для них это время ассоциировалось с конкретными людьми и конкретными историями. Кассиус Марселлус Клей-старший унаследовал свое имя от двух человек: одного черного, другого белого. Чернокожим Кассиусом Клеем был его дядя, который стоял рядом с братом Германом в тот день, когда он застрелил человека. Белым Кассиусом Клеем был двоюродный брат сенатора Генри Клея, родившийся в 1810 году. Белый Кассиус Клей был адвокатом, солдатом, издателем, политиком и противником рабства. «Для тех, кто уважает законы Божьи, у меня есть этот аргумент, – сказал он однажды, достав Библию в кожаном переплете. – Для тех, кто верит в законы человека, у меня припасен этот аргумент. – Он выложил копию Конституции штата. – И для тех, кто не верит ни в законы Божьи, ни в законы человека, у меня остался последний аргумент». С этими словами он положил на стол длинный охотничий нож и два пистолета. Был другой случай, когда Клея пырнули ножом в грудь во время дебатов с кандидатом— сторонником рабства – на государственную должность, но он не только пережил атаку, но и нанес ответный удар.

Белый Кассиус Клей считал, что порабощение было ужасным злом, и призывал к постепенному освобождению всех рабов. Пускай он не освободил всех рабов, которые принадлежали его поместью, смелые взгляды сделали его героем для многих чернокожих. Этого хватило, чтобы бывший раб

по имени Джон Генри Клей назвал одного из своих сыновей Кассиусом; Герман Хитон Клей, рожденный спустя десятилетие после окончания рабства, поступил так же; и Кассиус Марселлус Клей, родившийся в 1912 году, вновь передал имя своему сыну, родившемуся в 1942 году. Имя не утратило своей исторической актуальности, ведь последствия рабства и расизма продолжали греметь по всей стране: реконструкция, «раздельные, но равные права», появление Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, Великая миграция американских негров¹, появление дерзких боксеров Джека Джонсона и Джо Луиса, борьба Маркуса Гарви за независимость чернокожих, Вторая мировая война, Джеки Робинсон и зарождение движения за гражданские права XX века.

¹ Одно из ключевых событий в истории чернокожего населения США в XX веке: массовое переселение около 6 миллионов чернокожих с Юга в северные, северо-восточные и западные штаты. До Великой миграции в северных штатах проживало лишь 10 % чернокожего населения страны, после их число возросло до 47 % (здесь и далее – прим. пер.).

2. Самый громкий ребенок

Отец Мухаммеда Али дрался, только когда был пьян.

Кассиус Марселлус Клей-старший был человеком хорошо известным и не особенно уважаемым среди своих соседей в черном районе Вест-Энда в Луисвилле. Кэш, как все его называли, бросил школу после восьмого класса и зарабатывал на жизнь росписью вывесок.

В возрасте, когда большинство мужчин остепенялись и создавали семьи, Кэш щеголял в блестящих белых туфлях и узких брюках и танцевал всю ночь напролет в прокуренных джаз-клубах и забегаловках с музыкальными автоматами в окрестностях Вест-Энда и Маленькой Африки. Он был примерно 180 см ростом, мускулистый, с темной кожей и тонкими усиками. Полушутливо женщины Вест-Энда называли его «Темным фронтоном». Кэш Клей гордился своей внешностью, своим мощным телосложением, роскошным вибрато своего мелодичного голоса и красивыми рекламными щитами и вывесками, которые он рисовал для местных предприятий, большинство из которых принадлежало чернокожим: «Три комнаты мебели Кинга Карла» на Маркет-стрит; «А. Б. Харрис, М. Д., роды и женские недуги» на Думеснил-стрит; «Барбершоп Джойса» на Тринадцатой-стрит. Помимо этого он изображал библейские сцены на стенах церквей. Оплата за работу в церкви могла составлять двадцать пять долла-

ров плюс бесплатная курица на обед, что вряд ли можно было назвать солидным заработком, однако это кое-что значило для чернокожего человека на юге страны, который нашел свой собственный путь и обеспечивал себя своими руками и талантом, не ища одобрения белого человека. Кэш слышал, как его отец Герман увещевал об унижениях и опасностях, связанных с работой на белых. Герман говорил, что чернокожим всегда лучше быть самим по себе.

Кэшу было далеко до славы и даже еще дальше до богатства, но своим ремеслом он обеспечивал себе независимость, а также некоторое общественное признание, которым он, безусловно, наслаждался. Его нанимали не только за отличную работу, но и за его коммуникабельность. «Когда Кассиус работает над вывеской, ему по сто раз на дню приходится останавливаться, чтобы поговорить с прохожими на улице», – сказал Мел Дэвис, который нанял Кэша, чтобы тот нарисовал вывеску для его ломбарда на Маркет-стрит. «Лучшего кандидата на эту работу не найти, но вам вряд ли бы захотелось нанимать Кассиуса на условиях почасовой оплаты».

Кэш всем сердцем верил, что дорогу к славе и богатству ему преграждало не отсутствие таланта и образования, но сама Америка Джима Кроу², говорил он, ссылаясь на так на-

² *Законы Джима Кроу* – законы о расовой сегрегации в некоторых штатах США в период 1890–1964 годов, неофициально названные по имени комического персонажа из детской песенки.

зываемые законы Джима Кроу, которые потворствовали расовой сегрегации на юге Соединенных Штатов.

В трезвом состоянии Кэш был невероятно забавным малым, который то и дело мог разразиться смехом или несколькими строфами из репертуара Нат Кинг Коула. Когда он пил (джин был его излюбленным напитком), то становился громким, отталкивающе самоуверенным и зачастую жестоким. «Боец из него был никудышный, – сказал один из его друзей. – Но стоило ему перебраться, как он бросал вызов любому».

Кэш не спешил сбрасывать обороты, а учитывая его характер и непостоянные заработки, женщины явно не ждали от него серьезности и ответственности. Казалось, что Клей никогда не утомится, всю жизнь будет пить и преследовать женщин, но судьба решила иначе, и он женился. Однажды, возвращаясь домой с работы, Кэш увидел девушку на другой стороне улицы. «Вы очаровательны, леди!» – окликнул он ее согласно истории, которую позже расскажет своим детям.

Одесса Ли Грейди была светлокожей и смешливой девушкой с округлой фигурой, посещала Центральную среднюю школу в Луисвилле. Она была внучкой Тома Морхеда, светлокожего афроамериканца, который боролся на стороне Союза в гражданской войне и дослужился за год службы от рядового до сержанта. Морхед был сыном белого кентуккийца, который женился на рабыне по имени Дина. Ее другим дедушкой, возможно, тоже был белый человек, ир-

ландский иммигрант по имени Эйб Грэйди, однако доказательства, подтверждающие ее ирландское происхождение, кажутся весьма шаткими.

Когда незнакомый мужчина окликнул ее на улице, Одесса, еще совсем юная девушка, скорее всего ничего не знала о дурной репутации Кэша Клея. Добросовестная ученица и прихожанка, она была не из числа тех девушек, что веселятся в ночных клубах.

Одессу любили за трудолюбие и мягкий характер. Она выросла в Эрлингтоне, маленьком городке в западном штате Кентукки. После того как ее отец-шахтер оставил семью, Одессу отправили в Луисвилл к одной из ее тетюшек. Чтобы покупать одежду, Одессе приходилось после занятий в школе работать поваром для белых семей. Никто ни разу не слышал, чтобы она роптала на судьбу. Тем не менее для девочки-подростка, живущей в большом городе, вдали от своей матери и отца во время Великой депрессии, ранний брак с красивым и уверенным в себе зрелым мужчиной, который получал неплохой доход, казался ей соблазнительным предприятием. После того как Одесса забеременела, их женитьба оставалась лишь вопросом времени.

Кэш и Одесса во многом были противоположностями. Он был раздражительным, она была нежной. Он был высоким и сухощавым, она была низенькой и полной. Он выступил против несправедливостей расовой дискриминации, она лишь улыбалась и тихо страдала. Он был методистом, который

редко посещал церковь, она была баптисткой, которая никогда не пропускала воскресную службу в церкви «Гора Сион». Он пил и поздно возвращался домой, она оставалась дома, готовила и убирала. Тем не менее, несмотря на все их различия, Кэш и Одесса любили посмеяться, и когда Кэш дразнил ее, рассказывал ей истории или начинал петь, Одесса без остатка отдавалась своему красивому звонкому смеху, благодаря которому она получила свое прозвище Пташка.

Вероятно, они встретились в 1933-м или 1934 году, учитывая, что, по воспоминаниям Одессы, на момент знакомства ей было шестнадцать, но пара обвенчалась только в 1941 году. Свадьба состоялась 25 июня в Сент-Луисе, когда Одесса была примерно на третьем месяце беременности. 17 января 1942 года на свет появился их первенец. Малыш весом 2,9 кг родился в городской больнице Луисвилля намного позже запланированного срока. Одесса сказала, что перенесла мучительные и длительные родовые муки, которые закончились только после того, как доктор использовал щипцы, которыми обхватил мальчика за большую головку и извлек его из материнской утробы. Щипцы оставили небольшую прямоугольную отметину на правой щеке мальчика, которая останется там на протяжении всей его жизни.

Кэшу приглянулось имя Рудольф в честь голливудского актера Рудольфа Валентино, но Одесса настаивала на том, чтобы ребенок унаследовал имя своего отца. «Самое красивое имя, которое я когда-либо слышала», – сказала она.

Это имя уходило корнями в боль народа и конкретной семьи. Новорожденного мальчика нарекли Кассиусом Марселлусом Клеем-младшим. В свидетельстве о рождении имя было написано с ошибкой – «Кассуис», – но его родители либо не обратили внимания, либо попросту не удосужились это исправить.

Кэш и Одесса поселились на 1121-й Вест-Оук-стрит, в квартале от дома, где проживала Одесса, в квартире, которую они, вероятно, арендовали за шесть или семь долларов в месяц. В свидетельстве о рождении ребенка указывалось, что Кэш Клей работал в компании Southern Bell Telephone and Telegraph, а это означало, что он настолько был обеспокоен будущим своей семьи, что в первый и последний раз в своей жизни устроился на стабильную работу.

Кассиус-младший был самым громким ребенком в больнице, как сказала журналистам его мать много лет спустя. «Он так истошно вопил, что мог завести всех остальных детей в палате, – сказала Одесса. – Вот лежат они себе спокойно, а потом Кассиус как заорет и заплачет, и в следующее мгновение уже каждый ребенок в палате начинал плакать».

Менее чем через два года после рождения Кассиуса-младшего у Одессы и Кассиуса-старшего родился еще один сын. На этот раз Кэш добился своего, и они назвали ребенка Рудольфом Арнеттом Клеем. Семейство Клея переехало в коттедж на 3302-й Гранд-авеню, в луисвиллском районе Вест-Энд. Это был крохотный домик площадью не больше семи-

десяти четырех квадратных метров, с двумя спальнями и одной ванной комнатой. В какой-то момент Кэш покрасил коттедж в розовый цвет – любимый цвет Одессы. Кэш также выкопал пруд с золотыми рыбками и устроил огород на заднем дворе. Позже он сделал небольшую пристройку к задней части дома, чтобы у мальчиков было больше места для игр. Кассиус-младший и маленький Руди жили в комнате шириной около 3,5 метров и 6 метров в длину, на стенах белые обои с красными розами. Мальчики спали бок о бок в односпальных кроватях. Кровать Кассиуса стояла у окна, откуда всего в двух метрах можно было видеть дом соседей.

Их жилище было скромным, а бóльшая часть одежды покупалась в секонд-хенде, включая обувь, которую Кэш укреплял картонными подкладками. Несмотря на это, мальчики Клея никогда не ходили в школу обессиленными или голодными. Их дом насквозь пропах краской из-за большого запаса банок и кистей Кэша. Но его зачастую перебивал аппетитный аромат стряпни Одессы. Она делала чили, готовила жареную курицу с зеленой фасолью и картофелем, она смешивала капусту с морковью и луком и жарила ее в масле, пока аромат не наполнял дом и не начинал валить из окон, привлекая внимание сыновей во дворе. Она пекла шоколадные пирожные и делала банановый пудинг. Однажды семья завела домашнюю курицу, а потом – черную собаку с белым хвостом по имени Расти. Когда дети подросли, у Кассиуса и Руди были игрушечные поезда, мотороллеры и велосипеды.

Часть дорог в Вест-Энде была грубо вымощена, а некоторые дома возле коттеджа Клеев были всего лишь лачугами. Но такое соседство было куда лучше, чем Маленькая Африка неподалеку, где все еще оставались уличные уборные и немощеные дороги. Большинство из соседей Клея в 1940-х годах были люди с хорошим достатком: сантехники, школьные учителя, водители, железнодорожные грузчики, автомеханики и владельцы магазинов. «Конечно, мы знали все жителей в округе, – вспоминает Джорджия Пауэрс, которая выросла на Гранд-авеню с Клеями и стала не только первой женщиной, но и первой афроамериканкой, избранной в сенат штата Кентукки. – Было тринадцать учителей и три доктора – один был доктором медицинских наук, другой был дантистом, и еще один был доктором философии. Джозеф Рэй был банкиром, он проезжал мимо в своем черном кадиллаке, касался своей шляпы и говорил: “Здравствуйте, мисс Джорджия”. Через меня он словно бы передавал привет всей округе».

Темнокожие дети из Вест-Энда прекрасно знали, чем чревататы прогулки по бедным и опасным районам, таким как Маленькая Африка или Смоук-Таун. Их не нужно было лишней раз просить держаться подальше от районов белых. В Вест-Энде царило чувство безопасности. «Наше детство не было тяжелым, – вспоминает Алиса Кин Хьюстон, которая проживала неподалеку от Клеев. – У нас были работа, банки и фильмы. Только когда мы побывали снаружи, до нас до-

шло, как сильно отличался мир, в котором мы жили».

Одесса Клей вспоминает первые годы своего сына в биографии, которую она от руки написала на линованном тетрадном листе своим чудесным почерком, но допустив при этом множество ошибок в написании, пунктуации и невпопад выписывая слова с заглавной буквы. Эти воспоминания она написала по просьбе одного журнала в 1966 году. «Для меня Кассиус младший был необыкновенным по сравнению с другими Детьми и остается необыкновенным по сегодняшний день, – писала Одесса. – Он был непоседливым молышом. Когда мы гуляли в коляске, он всегда поднимался и хотел увидеть все вокруг. Он пытался говорить в самом раннем возрасте. Он был таким старательным, что научился ходить когда ему было 10 месяцев. Когда ему был год от роду ему нравилось, когда Ктонибудь его убаюкивал, а если нет, он сидел в Кресле и бился головкой о спинку Кресла пока не заснет. Ему не нравилось когда его одевали или раздевали. Он всегда плакал. С самого детства он хотел сам кормить себя. В возрасте двух лет он всегда вставал в 5 утра вытаскивал все Из ящика камода и оставлял вещи посреди комнаты. Ему нравилось играть в воде. Он очень любил говорить и есть, ему нравилось карабкаться. Он не играл со своими игрушками. Он вытаскивал все Кастрюли и сковородки Из Шкаффа и барабанил по ним. Он стучал по всему что угодно и добивался ритма. Когда он был совсем маленьким Ребенком он ходил на цыпочках, Таким образом у него были Очень раз-

витые стопы, и поэтому он такой быстрый».

В детстве Кассиус любил есть, но ненавидел, когда его кормили с ложечки. Он сам хотел разделаться с едой; чем больший беспорядок ему удавалось устроить, тем лучше. Он обладал волчьим аппетитом и рос большим, сильным и невероятно игривым мальчиком. Он никогда не ходил, когда мог бегать, и, по словам Одессы, так спешил жить, что заболел ветрянкой и корью одновременно. Его первым – и единственным – словом в течение многих месяцев было «Джи» [(англ.) Gee – «Ух ты»]. Он смотрел на свою мать и говорил: «Джи! Джи!» Он смотрел на своего отца и говорил: «Джи! Джи!» Он показывал пальчиком на еду и говорил: «Джи! Джи!» Когда он чувствовал, что пришла пора менять подгузник, он объявил об этом: «Джи! Джи!» Немудрено, что Одесса и Кэш стали называть своего маленького мальчика «Джи» или иногда «Джи-Джи». Одесса также назвала своего сына «вуди бэйби», но прозвище «Джи» закрепилось за ним не только в годы детства среди домашних, но и во всем Вест-Энде на протяжении всей его жизни.

Кассиус жаждал приключений. Он заползал в стиральную машину, забирался в раковину и гонял курицу по двору. В возрасте одного-двух лет он отвесил свой первый сильный удар, случайно стукнув маму по лицу и повредив зуб, который позже удалил дантист. К тому времени, когда ему исполнилось три года, Кассиус был уже слишком большим для своей детской кроватки. Водители автобусов настаивали на том,

чтобы Одесса платила за проезд своего ребенка, предполагая, что мальчику было по меньшей мере пять-шесть лет, когда как в действительности ему было всего лишь три или четыре года, и он все еще имел право ездить бесплатно. Но тихая и миролюбивая Одесса всегда безропотно платила водителю.

Одесса с самого начала понимала, что оба ее сорванца были развиты не по годам, но именно Кассиуса меньше всего заботили правила и не пугали наказания. Мятежный дух и развязность он унаследовал от отца, а душевность и щедрость от матери. Когда у Руди возникали проблемы, Кассиус предупреждал своих родителей, что Руди его ребенок и что он никому не позволит его отшлепать, после чего он за руку волок брата в их комнату.

Терпение не было его сильной стороной. Когда Кассиус начал посещать начальную школу для черных «Вирджиния-стрит», Одесса каждый раз снаряжала ему с собой обед. Но мальчик, который совсем недавно позавтракал, умудрялся съесть обед еще по пути в школу. Другие дети на его месте беспокоились бы о том, что проголодаются раньше времени, но не Кассиус – во время обеда он уговаривал друзей поделиться с ним едой. Чтобы пресечь это, Одесса прекратила снабжать Кассиуса обедами и вместо этого давала ему деньги на горячий обед в школьной столовой. Однако Кассиус был неисправим. На деньги матери он покупал ланч у своего друга Тудди и лакомился им по дороге в школу.

К тому времени, когда ему было семь или восемь, Кассиус был лидером группы мальчиков, которые всегда находились в поиске приключений. Одесса могла выглянуть через сетчатую дверь и увидеть своего старшего сына, который стоял на бетонном крыльце, словно политик на трибуне, оглашая своим юным последователям программу на день. Как только Руди Клей достаточно подрос, он стал тенью своего брата и главным его конкурентом. «Мы были как близнецы», – вспоминает Руди. Ради забавы Кассиус придумал игру: он стоял в небольшом промежутке в два метра между своим и соседским домами и позволял Руди бросать в него камни. Руди старался изо всех сил, пока его старший брат подпрыгивал, нырял и метался. Мальчики играли в шарики, кости и прятки, и Кассиус почти никогда не давал своему младшему брату одержать верх. Когда они играли в ковбоев и индейцев, Кассиус всегда был ковбоем.

Мальчиков дразнили не только потому, что они были шумными и привлекали к себе внимание, но также из-за их необычайно больших голов. «У этих детей были просто огромные головы, скажу я вам, – вспоминает их тетя Мэри Тернер. – Бывало, сидят они на краю обочины, играют в шарики или в какую другую уличную игру, как внезапно к ним подкрадывалась парочка ребят и сталкивала их головы вместе, *бац!* Затем эти ребята давали деру, а Руди и Кассиус гнались за ними. Им казалось, что это было ужасно весело. Но после того как мальчики немного подросли, эти шутки

прекратились. Кассиус и Руди могли справиться с большинством ребят в районе, потому что были очень быстрыми и большими. В конце концов их тела выросли настолько, что их головы перестали казаться такими уж большими».

Вскоре пришел черед Кассиуса и Руди издеваться и мучить младших ребят. Они отжимали велосипеды у маленьких детей и катались на них целыми часами. «Они не были злодеями, – сказала их тетя. – Но им казалось, что лучше их не сыскать на всем белом свете. Кассиус думал, что ни у кого нет такого хорошего брата, как Руди, а Руди был того же мнения о Кассиусе».

Друзьям, которые росли вместе с Клеями в Вест-Энде, Кассиус запомнился как быстрый бегун и хороший, но не особо одаренный атлет. Плавать он совсем не умел. Он мог согласиться сыграть в софтбол или регби, но особой страсти к этим видам спорта не испытывал.

«Этот Джи везде совал свой нос и все время втягивал меня в неприятности, – вспоминает его одноклассник Оуэн Ситгрейвс. – Мы любили прятаться в переулке за цветочном магазином Кинслоу и выкатывать на пути машин старые покрышки. После того как покрышка застревала под машиной, мы прятались в другой части переулка, дворами оббегали пару домов и возвращались, чтобы насладиться зрелищем. Из машины вышла женщина и сказала: “Мальчики, я заплачу вам два доллара, если вы достанете эту покрышку из-под машины”. С помощью домкрата из ее багажника мы вытащили

старое колесо из-под ее колымаги». Как-то раз Оуэн и Кассиус нашли старую футболку на улице, заполнили ее грязью, а затем зашвырнули в открытое окно проезжающего автобуса. «Там был парень в белоснежном костюме, должно быть, он собирался на свидание. Он выскочил и преследовал нас до перекрестка 34-й и Вирджинии вплоть до Коттер-Хоумс, но мы были быстрее... Я так сожалею об этом, его костюм был безупречно чистым».

Кассиус всегда любил устраивать веселые и жестокие розыгрыши. Он срубил отцовское сливовое дерево. Однажды он настолько хорошо изобразил звук сирены, что водители съехали на обочину и вытянули шею в поисках полицейской машины. Он сорвал помидоры с семейного огорода и пулял ими через забор учительского дома, забрызгивая гостей на вечеринке учителя на заднем дворе. Он привязал шнурок к шторам в спальне своих родителей, провел его через холл в свою комнату и, дождавшись, когда родители улягутся спать, начал шуршать занавеской. Он укрывался простынями и выскакивал из темных углов дома, чтобы напугать свою мать. Никакие выговоры или наказания не могли вразумить его.

«Каждый день я устраивала им тихий час, – вспоминала Одесса, – и однажды он сказал Руди: “Знаешь что, Руди? Мы слишком большие, чтобы спать днем”. И тогда тихому часу настал конец».

Когда выходы мальчиков заходили слишком далеко,

Одесса отправляла их в ванную, где Кэш по очереди закидывал Кассиуса и Руди на свое колено и устраивал мальчикам порку. Эти наказания не производили на Кассиуса никакого эффекта. «Кассиус-младший всегда шел первым, получал взбучку, уходил и уже задумывал что-то новое! – смеется Одесса, рассказывая эту историю журналисту Джеку Олсену, который взял у нее интервью для серии сюжетов в Sports Illustrated в 1966 году. – Он был очень необычным ребенком».

Описывая свое радостное детство, друзья Кассиуса иногда не упоминали о бесчисленных случаях расовой дискриминации и предрассудков, которые пронизывали саму ткань их жизни. Отчасти это может быть связано с тем, что друзья и соседи Кассиуса Клея воспринимали дискриминацию как нечто должное – настолько глубоко она укоренилась в их повседневном быту. Возможно, другая причина крылась в том, что чернокожие люди в Луисвилле в конце 1940-х и начале 1950-х годов считали, что им живется лучше, чем другим афроамериканцам. Им повезло жить в городе, где в ходу был «более вежливый расизм», как выразился историк из Луисвилла Том Оуэн.

Несмотря на то что большинство кентуккийцев симпатизировали Конфедерации, штат Кентукки не отделился от поддерживавшего рабство Союза во время Гражданской войны. В промежутке между 1865-м и 1930-м в Луисвилле не было зафиксировано случаев линчевания или конфлик-

тов на расовой почве. Начиная с 1870-х, в отличие от многих других городов на юге страны, темнокожим жителям Луисвилла было дано право участвовать в выборах, и с тех пор они никогда его не лишались. Белые общественные лидеры Луисвилла выражали регулярную и, на первый взгляд, искреннюю озабоченность условиями жизни своих чернокожих соседей и щедро выделяли свои собственные средства на поддержку афроамериканского населения. Разумеется, взамен эти белые лидеры, подобно своим предкам-работодателям, ожидали, что черные покорно, без шума и борьбы примут свой статус людей второго сорта.

Некоторые из лидеров белого сообщества заявляли, что без должного руководства и поддержки негры Луисвилла вернуться к своему варварскому африканскому образу жизни, а многие белые жители Луисвилла вовсе считали сегрегацию делом естественным и неизбежным. Однако были и те, кто отличался более прогрессивными взглядами и искренним желанием помочь. Роберт Бингем, владелец издания *Louisville Courier-Journal*, был членом местного филиала Городской лиги и Комиссии по межрасовому сотрудничеству³. Лидеры еврейских общин, включая семью члена Верховного суда Луи Брандейса, работали с волонтерскими организациями, которые оказывали помощь жителям черных районов. Выдающиеся белые адвокаты из Луисвилла боролись про-

³ Организации, выступающие за экономическую и социальную справедливость по отношению к афроамериканцам и против расовой дискриминации в США.

тив жилищной дискриминации по отношению к темнокожему населению города.

Черные и белые журналисты, которые посетили город в 1940–1950-х, почти единогласно заметили, что чернокожему населению Луисвилла живется лучше, чем их собратьям на Дальнем Юге и во многих городах северных штатов. Вместе с тем они, как правило, забывали упомянуть (поскольку это воспринималось как нечто само собой разумеющееся), что у чернокожих людей не было равноправного доступа к жилью, школам, рабочим местам и здравоохранению. Они не удосужились упомянуть об этом, поскольку подобная ситуация была в порядке вещей по всей стране. Например, афроамериканцы могли покупать одежду в крупных городских магазинах, но им запрещалось ее примерять. Журналисты также не упомянули, поскольку это было очевидно, что многие из зажиточных белых людей, которые помогали черным, прежде всего хотели предотвратить волнения среди афросообщества. Молодой Кассиус Клей не мог не заметить, что существовало будто бы два Луисвилла: один для черных, другой для белых. Черным был запрещен доступ к лучшим школам, лучшим магазинам и лучшим больницам, как, впрочем, и к большинству загородных клубов и банков. Лишь некоторые из крупных городских кинотеатров обслуживали черных посетителей, но даже тогда им приходилось довольствоваться самыми дальними местами.

«Пташка, – спрашивал Кассиус свою маму, когда они на-

правлялись в центр города, – где работают цветные люди? Пташка, что они сделали с цветными людьми?»

Ответ лежал на поверхности: в годы после Второй мировой войны экономика Луисвилла процветала, предлагая населению тысячи новых рабочих мест. Табачные, ликеро-водочные и шинные заводы предлагали стабильную работу, хотя чернокожим за ту же работу платили меньше, чем белым работникам, не говоря уже о том, что им постоянно отказывали в повышении по службе. В 1949 году среднегодовой доход чернокожих рабочих в Луисвилле составлял 1 251 доллар, в то время как средний доход белого человека был почти вдвое больше – 2 202 доллара. Чернокожим поручали не только низкооплачиваемую, но и более грязную и опасную работу. Нередко темнокожие мужчины прислуживали белым в качестве официантов, кэдди⁴ и чистильщиков обуви. Часто покорность была не просто требованием к работе, но необходимым качеством для выживания. Для чернокожих женщин перспективы были еще хуже. Малая толика из них работала секретарями, парикмахерами или школьными учителями, но 45 процентов всех чернокожих женщин Луисвилла зарабатывали на жизнь так же, как Одесса Клей – пешком или на автобусе они добирались в зажиточные районы, где проводили свои дни, занимаясь уборкой и готовкой для белых семей. Благодаря обедкам, которые белые хозяева великодушно разрешали забрать домой, Одесса кормила соб-

⁴ Мальчик, подносящий клюшки и мячи при игре в гольф.

ственную семью, а заработанные деньги не только помогали ей оплачивать счета, но также шли на покупку молитвенников для церквей.

Согласно воспоминаниям матери, Кассиус быстро пришел к неутешительному выводу, что мир был создан для белых людей. Он понял это задолго до того, как смог осознать это, наблюдая за тем, как его мать возвращается домой, измученная заботой о белых семьях, а затем собирается с силами, чтобы, наконец, позаботиться и о своей собственной.

Бывало, когда Кассиус-младший был ребенком и все еще разбирался, как общество разделяло людей по цвету кожи и сколь большое значение имели эти различия, он спрашивал свою маму, была ли она черной или белой. В конце концов, ее кожа была намного светлее, чем у ее мужа. Одесса была недостаточно бледной, чтобы сойти за белую, но она и не пыталась. Оттенок ее кожи и гены ее белых предков мало что значили в повседневной жизни. По законам Кентукки и Соединенных Штатов Америки семья Клеев была черной – или «цветной», если использовать термин, который был тогда в ходу, – и расовая сегрегация определяла, где они могли есть, покупать товары, работать, учиться, жить, как к ним будут относиться в случае нарушения закона или в случае подозрений в правонарушении, с кем они могли обручиться, как с ними будут обращаться в случае болезни и где их похоронят, когда они умрут. Кассиус знал, что ему разрешалось играть в парке Чикасо, парке Баллард и на площади Бакстер, но не в

парке Ирокез, парке Шауни, парке Чероки, парке Треугольник, парке Победы или на площади Бун.

Признаки неравенства были повсюду. В Луисвилле соотношение убийств среди чернокожих в середине 1950-х годов составляло примерно пятьдесят шесть на тысячу человек, а для белых – три человека на тысячу. Для чернокожих смертность от естественных причин была на 50 процентов выше, чем для белых. Но если перечисленные примеры дискриминации не особо волновали молодого энергичного мальчика, выросшего в Вест-Энде, то один наглядный случай как никогда задел его за живое. «Фонтейн Паром Парк» был самым популярным парком аттракционов в городе и находился в пределах пешей доступности от дома Клея на Гранд-авеню, но пускали туда только белых. В летние уик-энды тысячи жителей Луисвилла приезжали туда на машине, пароме или троллейбусе. Для темнокожих детей, которые жили в соседних кварталах, было настоящей пыткой видеть перед собой все это великолепие. Афроамериканские соседи «Фонтейн Паром Парка» могли слышать грохот американских горок и испуганные крики посетителей. До них доносились запахи фритюра, жареного теста и копченой говядины, а каждый вечер они наблюдали за парадом загорелых семей в «универсалах», выезжающих из парка. Им ясно давали понять, кто имел право веселиться, а кто нет.

«Мы стояли у забора, – говорит Руди Клей, – но не могли пройти внутрь».

Маленьким мальчиком Кассиус Клей-младший плакал в своей постели, недоумевая, чем цветные люди заслужили такие страдания. Он спрашивал, почему все прихожане их церкви черные, в то время как изображения Иисуса были белыми, включая портреты, сделанные его отцом.

Молодой Кассиус Клей узнавал о дискриминации и от своего деда, Германа Хитона Клея, который угодил в тюрьму за убийство на пороге нового столетия. Герман хвастался, что в молодости был талантливым бейсболистом, настолько талантливым, что мог бы играть профессионально, если бы не одно «но»: для черных Высшая лига была закрыта. Герман Хитон Клей, Кэш Клей и Кассиус Клей-младший – все они понимали, что должны жить с последствиями рабства в стране, построенной на костях рабов; что их лишили работы и даже их личностей, и что рабство оставило в наследство уродливую кастовую систему, которая уготовила для черных и белых американцев совершенно разные пути, по крайней мере в обозримом будущем.

Герман умер в 1954 году, когда его внуку было двенадцать. В том же году Верховный суд США вынес решение по делу «Браун против Совета по образованию», постановив, что Конституция США запрещает сегрегацию в государственных школах. Реакция южных штатов была незамедлительной и жесткой. Некоторые штаты пошли на хитрости, чтобы отказаться от финансирования смешанных школ. В Миссисипи белые бизнесмены и политики организовали Со-

вет белых граждан, чтобы противостоять новому закону и отстоять превосходство белых. Лидеры Ку-клукс-клана призывали своих сторонников противостоять «смешению» белой расы, которое наступит после отмены сегрегации в школах. Летом после громкого решения Верховного суда четырнадцатилетний Эмметт Тилл из Чикаго приехал навестить своих родственников в штат Миссисипи, в крохотный городок Мани, население которого составляло пятьдесят пять человек. Согласно статистике, которую местные власти начали вести с 1882 года, в Миссисипи были линчеваны более пяти-сот чернокожих. Губернатор штата недавно запретил афроамериканцам принимать участие в голосованиях. Мать Тилла, обеспокоенная отъездом сына на юг летом 1955 года, предупредила его, как важно вести себя подобающим образом с белыми жителями Миссисипи. Он должен отвечать им «да, сэр», «нет, сэр» и быть тише воды, ниже травы, чтобы избежать проблем.

Но как и Кассиус Клей-младший, который был всего на шесть месяцев моложе его, Эмметт Тилл мог показать характер и пропустил предупреждения матери мимо ушей. Однажды в Мани Эмметт стоял возле продуктового магазина и показывал друзьям фотографию своей белой подруги из Чикаго. Один из ребят поспорил, что Эмметт не осмелится войти в магазин и заговорить с белой кассиршей. Эмметт принял вызов. Выйдя из магазина, он, по сообщениям очевидцев, бросил кассирше: «Пока, детка». Несколько дней спустя

муж кассирши и еще один мужчина ворвались в дом дяди Тилла и вытащили Эмметта из кровати. Его ударили рукояткой пистолета и заставили просить прощения. Когда Эмметт отказался подчиниться, его убили выстрелом в голову. С помощью колючей проволоки убийцы привязали к его шее лопасть винта от хлопкоочистительной машины и сбросили его тело в реку Таллахатчи. Тело Эмметта Тилла обнаружили и подняли со дна реки спустя три дня. Полностью белой коллегии присяжных понадобилось всего шестьдесят семь минут, чтобы оправдать обвиняемых. «Если бы мы не отвлекались, чтобы выпить лимонаду, – сказал один из присяжных, – это дело не заняло бы столько времени».

Мать Тилла настояла на церемонии прощания с открытым гробом, чтобы мир увидел изуродованное лицо ее маленького сына, а журнал Jet опубликовал фотографии с похорон, которые намертво запали в сознание многих чернокожих американцев. Тилл стал мучеником движения за гражданские права и вдохновил неописуемое множество активистов. Вскоре после суда над убийцами Тилла чернокожая активистка из Алабамы по имени Роза Паркс отказалась уступить свое место белому пассажиру в автобусе, спровоцировав мощную волну протеста.

Кэш показал своим сыновьям фотографии изуродованного лица Эмметта Тилла. Посыл был ясен: вот что сделает с тобой белый человек. Вот что может случиться с невинным чернокожим, невинным ребенком, единственным пре-

ступлением которого был цвет его кожи. Америка, по мнению Кэша Клея, была несправедливой и никогда не изменится. Его собственная карьера была тому доказательством. У него был талант, чтобы стать великим художником, не так ли? Тем не менее в возрасте почти сорока лет ему приходилось рисовать вывески для магазинов за скудную плату, без шансов вырваться из тесного четырехкомнатного коттеджа, где жила его семья. Кэш говорил своим мальчикам, что лишь деньги могут дать черному человеку шанс на равенство и уважение.

Кассиус Клей-младший как губка впитывал слова своего отца. В тринадцать лет он не говорил об изменении мира или улучшении состояния своего народа. Не говорил о получении образования и стремлении сделать что-то значимое в своей жизни. Как и его отец, он говорил о зарабатывании денег.

– Почему я не смогу быть богатым? – спросил он однажды своего отца.

– Глянь сюда, – сказал отец, дотрагиваясь до руки мальчика цвета грецкого ореха. – Вот поэтому ты никогда не разбогатеешь.

Однако рано или поздно каждый сын приходит к выводу, что может превзойти своего отца, отказываясь довольствоваться положением, которое устраивало его предков, и решив, что ужасные призраки прошлого не имеют над ним власти. Кассиус Марселлус Клей-младший не был исключе-

нием. В раннем возрасте он говорил о том, что будет владеть домом за сто тысяч долларов на холме с дорогими автомобилями в гараже, личным шофером и шеф-поваром, который готовил бы ему изысканные блюда. Он поклялся купить один дом для своих родителей и другой для своего брата, а на случай непредвиденных обстоятельств он хранил бы в банке четверть миллиона долларов.

Летом 1955 года, в то самое роковое лето для Эмметта Тилла, он придумал, как сможет зарабатывать деньги.

3. Велосипед

Одним октябрьским вечером 1954 года двенадцатилетний Кассиус мчался на велосипеде по центру Луисвилла, усадив брата на руль, вместе со своим другом, который крутил педали рядом, как вдруг внезапный дождь заставил мальчиков броситься на поиски убежища. Они спрятались в аудитории «Колумбия», на Южной 4-й улице, 324.

В зале проходила выставка достижений бытовой техники, которую спонсировала городская газета для чернокожих Louisville Defender. Это был зал чудес, до краев наполненный последними новинками мира бытовой техники. Посетители получали шанс выиграть призы, в том числе духовку «Волшебный шеф-повар», паровой утюг «Гувер» и граммофон «Виктор». В 1950-х годах, когда экономика стремительно развивалась и новые технологии облегчали домашние дела, такие как глажка и уборка, афроамериканские семьи стремились приобрести те же самые удивительные устройства, которые белые семьи рекламировали по телевидению и в журналах. Кассиуса не интересовали бытовые приборы, но экспозиция предлагала убежище от дождя и бесплатные попкорн и конфеты, которые мальчики с удовольствием слопали.

Дождь шел весь день и продолжился до семи вечера, когда Кассиус, Руди и их друг наконец покинули зал. Но выйдя на

улицу, они обнаружили, что их велосипеды пропали. Ребята начали бегать вверх и вниз по улице в поиске воров. Кассиус начал плакать, «напуганный тем, что с ним сделает отец», как он признался позже.

Велосипед Кассиуса был рождественским подарком: красно-белый «Швинн Круизер Делюкс» с хромированными крыльями и ободами, с белыми полосками на шинах и большой красной фарой в форме ракеты. Он стоил пятьдесят долларов, что эквивалентно примерно пятистам долларам сегодня. Клеи не могли позволить купить новые велосипеды для обоих своих мальчиков, поэтому Кассиус и Руди должны были делиться друг с другом, о чем Кассиус старательно забывал. Для мальчика, который жил в одном из самых маленьких домов в своем квартале, носил одежду из секонд-хенда и был одним из самых худших учеников класса, не проявившим себя ни в одном популярном виде спорта, велосипед представлял уникальную значимость: для Кассиуса он был, вероятно, единственным символом статуса.

Кто-то посоветовал разъяренным мальчикам сообщить об украденном велосипеде полицейскому, который оказался в подвале здания, где проходила выставка. Они рванули обратно и спустились по лестнице. Там они встретили Джо Элсби Мартина, белого лысого патрульного из Луисвилла, а по совместительству тренера по боксу. В тот день Мартин был не на дежурстве.

В подвале он тренировал группу из черных и белых бок-

серов-любителей, по большей части подростков. Спортивная секция открыла Кассиусу новый мир и пробудила в нем новую страсть. Большая комната с низким потолком, резкий запах пота, глухой стук перчаток, которые лупили по боксерским грушам и телам. Место, где юноши могли проявлять жесткость с позволения и под чутким присмотром взрослых. В этих стенах переставал существовать внешний мир с его несправедливыми правилами. Все это очаровало Кассиуса Клея. Его так сильно захлестнули эмоции, что позже он вспоминал: «Я практически забыл про велосипед».

Кассиус был вне себя от ярости (Джо Мартин сказал, что мальчик был «горяч и взрывоопасен, как динамит») и сказал, что хочет найти человека, который украл его велосипед, и устроить ему хорошую взбучку.

Мартин спокойно выслушал его. Он был добродушным человеком, который большую часть времени проводил, вытряхивая монеты из парковочных счетчиков. Коллеги-полицейские в шутку называли его «сержантом», потому что за двадцать пять лет службы Мартин так и не удосужился сдать экзамен на звание сержанта. Он довольствовался своей дневной работой, а вечером учил ребят драться. Мартин также был продюсером местной телевизионной программы для боксеров-любителей, которая называлась «Чемпионы завтрашнего дня» и выходила в эфир днем в субботу на луисвиллском канале WAVE-TV.

Мартин взглянул на Кассиуса, на его сорокакилограммо-

вое тело, и спросил: «Ты вообще умеешь драться?»

Кассиус отрицательно покачал головой. Он дрался со своим братом и время от времени ввязывался в потасовки с ребятами на улице, но ему еще не доводилось размахивать кулаками в боксерских перчатках.

«Тогда почему бы тебе не записаться на тренировки?» – сказал Мартин.

Судьба – это сочетание случая и выбора. Случай привел молодого Кассиуса Клея в спортивную секцию Джо Мартина, но вернуться туда уже было выбором самого мальчика.

Кассиуса пленил не только спорт. Он всегда был уверен в своих силах, в своей внешности и неизменно жаждал внимания. Он уже понял, что школа не приблизит его к богатству и славе, а бокс... Бокс всегда манил людей, стремящихся найти выход из затруднительного положения.

Кассиус так и не вернул свой велосипед и не получил от родителей новый взамен украденного. Вместо этого родители купили ему мопед, на котором он носился повсюду, лавируя между машин на большой скорости. Это было куда лучше велосипеда, ведь тут даже педали крутить не нужно. Годы спустя, когда история о молодом боксере облетела весь мир, о покупке нового мопеда предпочитали умалчивать. Легенда об украденном велосипеде производила на публику более сильное впечатление, но и мопед мог кое-что рассказать о семье Клея. Этот подарок означал, что провинившегося сына не наказали за потерю дорогого велосипеда и не заста-

вили принудительно отрабатывать, пока Кассиус не накопит достаточно денег на покупку нового. Вместо этого родители купили мальчику кое-что получше, наводя биографов на мысль, что ответственность была не самой главной ценностью в семье Клея. Вскоре после инцидента с велосипедом Кассиус сидел дома и смотрел телевизор, как вдруг на экране появился Джо Мартин с боксером-любителем из числа «Чемпионов завтрашнего дня». Этого хватило, чтобы Кассиус вернулся в спортзал. Во время второго визита он вышел на ринг «с каким-то боксером из числа старших ребят», как он вспоминал в своей автобиографии 1975 года, и отхватил от него по полной программе: «через минуту мой нос начал кровоточить. У меня заболел рот, у меня закружилась голова. Наконец кто-то вытащил меня с ринга».

Когда звон в голове утих, Кассиус начал работать с Мартином, изучая, как ставить ноги, как поворачивать корпус под углом к противнику, где держать руки, чтобы защитить голову, как уклоняться от ударов, как наносить левый джеб, перекрестный удар, апперкот и хук.

Примерно через месяц, 12 ноября 1954 года, он вышел на ринг, чтобы принять участие в своем первом настоящем любительском поединке: три раунда, по две минуты каждый, против белого мальчика примерно его возраста по имени Ронни О'Киф. Бой показывали по телевидению в эфире передачи «Чемпионы завтрашнего дня». Каждому мальчику заплатили по три доллара. Боксеры были в перчатках массой

четырнадцать унций и без шлемов. «Эти парни самоотверженно ринулись в бой», – вспоминает Джо Мартин. По раздельному решению судей Кассиус был выбран победителем боя.

В выступлении молодого бойца не было и намека, что на ринг вышла будущая легенда бокса. «Он был самым обычным», – сказал Мартин. Но вскоре Мартин начал подмечать в юном бойце любопытные врожденные таланты. Прежде всего Кассиус был проворным, с быстрыми руками, ногами и отличными рефлексами, которые помогали ему избегать ударов. Казалось, он не знал усталости. Когда его били в голову, он быстро восстанавливался от смятения. Вместо того чтобы бежать от боли или страха, он давал сдачи, силой воли подавляя миг слабости.

Но бокс пробудил в Кассиусе нечто совершенно новое: амбиции. Его отец брал его с собой на работу, учил сына смешивать краски и рисовать аккуратные буквы, следя за тем, чтобы каждое слово располагалось точно на своем месте, но у мальчика не хватало терпения для столь кропотливой работы. Вдобавок ему не передалась даже крупица таланта отца, чтобы нарисовать сносный пейзаж или портрет. Кассиус-младший хорошо играл в шарики и уворачивался от камней в драках, но с такими навыками он вряд ли бы далеко пошел. Школа, определенно, не разжигала в мальчишке страсть. И вот впервые в жизни он хотел заниматься чем-то помимо шалостей. Бокс стал хобби, ради которого он был готов тру-

диться и жертвовать, хобби, благодаря которому он попал бы на телевидение, где его увидят бог знает сколько людей.

Вскоре история об украденном велосипеде Кассиуса Клея станет олицетворением решительности боксера и демонстрацией удивительной силы его величества случая, который свел мальчика с тренером. Но в истории скрыт и куда больший смысл. Если бы Кассиус Клей был белым мальчиком, кража велосипеда и его знакомство с Джо Мартином в равной степени могли бы увлечь его как карьерой в правоохранительных органах, так и боксом. Но Кассиус, который уже обладал глубоким пониманием расового неравенства Америки, знал, что работа в полиции не сулила светлых перспектив. Взаимоотношения белой Америки и чернокожих людей будут волновать Кассиуса Клея на протяжении всей его жизни.

«В двенадцать лет я хотел стать большой знаменитостью, – скажет он много лет спустя. – Я хотел прославиться на весь мир». Журналист спросил, почему именно Клей хотел быть известным? Поразмыслив, Клей ответил на вопрос с более зрелой точки зрения: «Чтобы я мог бунтовать, отличаться от всех остальных и показать всем, что нет нужды быть дядюшкой Томом⁵ и целовать сам-знаешь-что, чтобы добиться успеха... я хотел быть свободным. Я хотел говорить то, что хочу сказать... Идти туда, куда хочу пойти. Делать то, что

⁵ «Дядя Том» – покорный, многострадальный негр-слуга (по имени действующего лица в романе Г. Б. Стоу «Хижина дяди Тома»).

хочу делать».

Для молодого Кассиуса было важно понимать, что бокс не только разрешался, но и всячески поощрялся обществом, более-менее уравнивая его с белыми ребятами, вместе с которыми он ходил на тренировки. Каждый день по пути в спортзал Кассиус проходил мимо дилерского центра «Кадиллак». Он наверняка думал, что лишь благодаря боксу сможет оказаться за рулем одной из этих больших машин, красующихся в витрине. Бокс предлагал путь к процветанию, который не требовал умения читать и писать. Боксу его учил не кто-то, а белый человек по имени Джо Мартин. Бокс сулил уважение, славу и деньги.

Бокс возносил черных на небывалые высоты, что было несвойственно для 1950-х, когда афроамериканцы были почти изолированы от политической жизни и экономических благ. Бокс больше, чем другой спорт, позволял чернокожим атлетам на равных сражаться с белыми спортсменами, в открытую показывать свою силу и даже превосходство и получать равное вознаграждение. Как писал Джеймс Болдуин⁶ в своей книге «В следующий раз – пожар», многие чернокожие из поколения Клея считали, что получение образования и откладывание денег никогда не принесут им уважения. «Требуются рукоятка, рычаг, средство устрашения, – писал Болдуин. – Было ясно как божий день, что полиция будет вы-

⁶ *Джеймс Артур Болдуин* – американский романист, публицист, драматург, активный борец за права человека, отчасти последователь Мартина Лютера Кинга.

тирать о тебя ноги, пока им это позволено, и что все – домохозяйки, водители такси, лифтеры, посудомойки, бармены, юристы, судьи, доктора и бакалейщики – при любом удобном случае безнаказанно будут выплескивать на тебя свой гнев. Ни идеи гуманизма, ни христианская любовь никогда не заставят этих людей обращаться с тобой так, как они хотели бы, чтобы обращались с ними; только страх перед твоей силой заставит их вести себя должным образом или хотя бы сделать вид, что уже неплохо». Рукоятка. Рычаг. Средство устрашения. Для молодого Кассиуса Клея бокс был воплощением всего этого.

В качестве упражнения он начал бегать. Он мог заниматься бегом до или после школы, но Клей решил поступить иначе. Он бежал *в* школу. Спустя много лет в своей автобиографии он описывал упражнение «погоня за автобусом». Обычной погоней дело не ограничивалось. Сначала он с другими детьми из своего района дожидался автобуса в Гринвуд-авеню. Затем, когда дети садились в автобус и тот начинал свое неспешное движение на восток от Гринвуда, Кассиус в своей школьной униформе и школьных ботинках пускался в погоню под лучами солнца, которые били ему прямо в глаза. Когда автобус останавливался на светофоре или забирал новых пассажиров, вместе с ним останавливался и Кассиус. Когда его друзья сходили на 28-й улице, он вместе с ними ожидал автобуса до Честнат-стрит и с приходом транспорта снова пускался в погоню. Он быстро бежал по изношенным, по-

крытым кочками и колдобинами дорогам, мимо домов, которые, казалось, стояли лишь благодаря облупившейся краске, пока на горизонте не появлялись очертания центра Луисвилла с его большими банками, новыми блестящими автомобилями и неоновыми кинотеатрами. К этому моменту потек с Кассиуса в три ручья, а его рубашка прилипла к спине. Но дети в автобусе понимали, что Кассиус бежал не только ради тренировки, но и для того, чтобы привлечь к себе внимание. Он не бежал на полной скорости и даже не пытался обогнать автобус, ведь он с легкостью мог выиграть гонку, если бы не останавливался, чтобы развлечь своих друзей всякий раз, когда автобус тормозил на остановке. «Иногда он зацеплялся за окно и проезжал зайцем пару кварталов», – вспоминает Оуэн Ситгрейвс. Его пальцы крепко держались за оконную раму, а ноги болтались в дюймах от дороги. Тогда Кассиус смотрел на лица своих друзей и улыбался. «Ему приходилось быть начеку, ведь водитель автобуса в любой момент мог выглянуть из окна и заметить его», – смеясь, добавил Ситгрейвс.

Кассиус выглядел как жеребенок: стройный, длинные руки и ноги и вывернутые внутрь колени. Но он был полон решимости стать больше и сильнее. На завтрак он выпивал литр молока, смешанного с двумя сырыми яйцами. Он заявлял, что газировка так же вредна для спортсмена, как алкоголь или сигареты, и поклялся никогда не употреблять их. Возможно, что этим аскетизмом он пытался доказать свое

превосходство над отцом, который пил почти каждый день и имел репутацию лодыря. Подсознательно он понимал, что в дисциплине скрывался источник силы, недостающей Кассиусу-старшему. Или, может быть, как вспоминал его брат Руди, ему просто нравилось любоваться своими мышцами перед зеркалом.

«Было почти невозможно выбить его из колеи, – сказал Джо Мартин. – Он попросту был одним из самых трудолюбивых ребят, которого мне доводилось тренировать».

Кассиус наслаждался вниманием, которое принесло его увлечение боксом. Внезапно он обрел индивидуальность. Ему было чем похвастаться: он был спортсменом, он гонялся за автобусом и хлебал чесночную воду, потому что она якобы способствовала низкому кровяному давлению. Вскоре он начал рассказывать незнакомцам (поскольку друзья уже были в курсе), что он намеревался стать не просто профессиональным боксером, но чемпионом мира в тяжелом весе. Должно быть, это звучало столь же нелепо, как если бы он провозгласил, что хочет стать президентом Соединенных Штатов.

Он начал обходить жителей города перед своими боями в пятницу, чтобы привлечь побольше зрителей. Что еще удивительнее, он делал это по собственной инициативе.

«Я Кассиус Клей, – говорил он, – Сегодня по телевизору будут показывать мой бой. Надеюсь, вы посмотрите на меня». Однажды, обойдя уже половину города со своей агитационной кампанией, он постучал в очередную дверь, и ему

открыл Джо Мартин. Они посмеялись над этим, но Мартин отметил про себя упорство мальчика. «Несомненно, Кассиус верил в себя», – сказал Мартин.

* * *

В 1954 году бокс был центральной частью американской культуры. Для любителей спорта ни одно соревнование и рядом не стояло с борьбой за титул чемпиона в тяжелом весе, и ни один спортсмен не заслуживал большего уважения, чем лучший боксер-тяжеловес. Только лучшие из лучших заслуживали того, чтобы называться «чемпионами» до конца своей жизни. Боксер-тяжеловес был подобен богу, являлся олицетворением мужественности, храбрости и гнева, на него весь мир смотрел с восхищением и уважением – если только он не был чернокожим, в этом случае все становилось куда сложнее.

На момент, когда Кассиус Клей был еще мальчиком, титул чемпиона в тяжелом весе принадлежал Рокки Марчиано. У боксера были сплюснутый нос, бычья шея, широкие плечи, лицо, над которым, кажется, постарались кулаки бесчисленных соперников и сама природа. С ростом 180 сантиметров и весом около 85 килограммов Марчиано нельзя было назвать великаном, и особой скоростью боец тоже не отличался, зато он умел безжалостно набрасываться на свою жертву, обрушивая на нее всю мощь своих кулаков, отправляя в нокаут

девяносто процентов своих противников. Марчиано (настоящее имя – Рокко Фрэнсис Маркеджиано) был именно тем боксером, за которого так любили болеть американцы. Он был сыном итальянских иммигрантов, набравший свою мышечную массу, выкапывая рвы и перетаскивая лед. Во время Второй мировой войны он два года отслужил под флагом Соединенных Штатов.

До Марчиано титул чемпиона в тяжелом весе на протяжении пятнадцати лет удерживал чернокожий боксер. Марчиано завоевал титул, одержав победу над Джерси Джо Уолкоттом, который отобрал чемпионство у Эззарда Чарльза; тот, в свою очередь, получил титул после ухода Джо Луиса из спорта и застолбил свои права на чемпионство, победив Луиса, когда тот вернулся в бокс в 1950 году.

Джо Луис удерживал титул чемпиона в супертяжелом весе в течение двенадцати лет – дольше, чем любой чемпион в истории спорта, – и за эти двенадцать лет он стал самым популярным чернокожим в истории Америки. Впервые он обратил на себя внимание поклонников бокса в 1934 году в возрасте двадцати лет. Красивый тихий парень со светлым оттенком кожи, которого промоутеры изо всех сил старались представить публике как правильного, вежливого «негра», который с уважением относится к белым.

Луис любил свою мать и Библию: так говорили его промоутеры и писали белые журналисты. Чтобы удостовериться, что этот могучий боец сохранял безобидный образ за преде-

лами ринга, менеджеры навязывали Луису строгие правила: никаких фотографий в обществе белых женщин, запрет на посещение ночных клубов в одиночку и никаких насмешек над проигравшими противниками; ему запрещалось поднимать руки в знак победы и хвастаться своими талантами в интервью. Он не был «Самбо», улыбчивым и пресмыкающимся шутом из шоу менестрелей, но вместе с тем его нельзя было назвать человеком свободной воли. Он был хорошим парнем, афроамериканцем, который знал свое место и ценил возможности, великодушно предоставленные Америкой белых.

Экономика США находилась в глубокой депрессии. В Европе набирал обороты фашизм. Стране нужен был новый герой бокса, а Луис обладал силой и талантом. Перефразируя строчку «My only sin is in my skin» из песни «Black and Blue» Луи Армстронга, еще одного чернокожего, который заслужил всенародную любовь благодаря своему лояльному отношению к белым американцам: его единственным грехом был цвет кожи. Америка ожидала от Джо Луиса такого же поведения. Ему разрешат сражаться, удостоят титула чемпиона и даже позволят ему уничтожать белых соперников на ринге, пока он помнит о превосходстве белой расы; до тех пор, пока он помнит, что его положение американского героя было временным. Чернокожие, такие как Джо Луис и Луи Армстронг, должны были стать представителями своего народа, и эта роль возлагала на них непосильное бремя. Ка-

кие афроамериканские черты они должны были олицетворять? Только те, которые хотели видеть белые люди? Как они должны были служить символами, при этом сохраняя свою индивидуальность и свободу высказывать свое мнение? До Джо Луиса другой черный боксер, Джек Джонсон, уже потерпел неудачу на поприще черного посла в белом мире. Когда Джек Джонсон начал сражаться и побеждать в конце 1890-х, история бокса еще не знала ни одного черного чемпиона в тяжелом весе. Сама мысль об этом оскорбляла многих белых. «Любой, кто выйдет на ринг с ниггером, потеряет мое уважение», – сказал Джон Салливан, последний чемпион-тяжеловес эпохи без перчаток.

С появлением Джека Джонсона и других черных бойцов возникла угроза не только для белых чемпионов, но и для устоявшегося отношения к черной расе. «Мы находимся посреди растущей угрозы, – писал Чарльз Дана, редактор New York Sun в 1895 году. – Черный человек стремительно занимает лидирующие позиции в спорте, особенно в области кулачных боев. Мы находимся в разгар восстания черных против превосходства белых».

Джек Джонсон был ходячим ужасом, который бросал стонников превосходства белой расы в холодный пот. Он был большим, черным и воинственным. Когда над ним насмехались, он насмехался в ответ. Он бросил вызов сложившемуся порядку вещей и был достаточно умен, чтобы понять, насколько это возмущало власть имущих. Он предсказывал ре-

зультаты своих боев. Он издевался над своими противниками. Каким-то образом, несмотря на все болезненные уроки американской истории, Джонсон пришел к выводу, что его цвет кожи и происхождение не обязывали его преклоняться и раболепствовать перед белыми господами. В 1908-м, после цепочки убедительных побед, Джонсон заслужил право сразиться с чемпионом, белым боксером канадо-немецкого происхождения по имени Томми Бернс. Джонсон дразнил Бернса, перед тем как отправить его в нокаут в четырнадцатом раунде. После этого начался неустанный поиск белого боксера, который бы восстановил естественный порядок вещей, но Джонсона было тяжело одолеть. В 1910 году, когда он одолел Джима Джеффриса, которого окрестили «белой надеждой», афроамериканцы по всей стране начали праздновать, но их радость омрачилась нападениями со стороны белых банд.

Джонсон удерживал титул почти семь лет, и чем больше он выигрывал, тем смелее он становился, будто звание чемпиона мира в тяжелом весе действительно доказывало его превосходство. Он носил дорогие драгоценности, шубы в пол и выступал в водевилях. Он дерзил своим критикам. Он открыто общался с белыми женщинами, от проституток до состоятельных замужних дам, и в конце концов три раза женился исключительно на белых женщинах. Джонсон стал самым знаменитым и самым презируемым чернокожим своего времени. Его выгнали из страны, а когда он вернулся, его

посадили в тюрьму по сфабрикованным обвинениям в перевозке женщины через государственную границу в «аморальных целях».

Джек Джонсон на своем примере показал, что бокс занимал особенное место в американском обществе – это был алтарь, где не действовали привычные правила и убеждения. В 1910 году на боксерском ринге темнокожий мог вмазать по черепу белому, избежав при этом линчевания или тюрьмы. На боксерском ринге один человек мог запросто убить другого, избежав при этом обвинения в убийстве. Джек Джонсон показал, что на этом алтаре будут приносить жертвы во имя будущего Америки.

В последующие годы темнокожие американцы станут более открыто выражать свой протест против сегрегации Юга и дискриминации Севера, а также против бесконечных оскорблений и лицемерия американских догматов о равенстве людей. Тем не менее потребуются еще полвека, чтобы другой черный боксер смело бросил вызов расистской системе. Когда его время наконец придет, этого бойца тоже будут критиковать за его возмутительное поведение и отсутствие смирения. Этот боец тоже подвергнется наказанию со стороны своего правительства и станет мишенью для ярости своих белых соотечественников.

«В детстве мне нравился имидж Джека Джонсона, – сказал Кассиус Клей. – Я хотел быть сильным, грубым, надменным ниггером, которого бы ненавидел белый человек».

4. Райские деньки

Одной жаркой августовской ночью 1957 года офицер Чарльз Калбфляйш из полицейского управления Луисвилла отреагировал на сигнал о домашнем насилии с 3302 Гранд-авеню в районе Вест-Энд в Луисвилле. По прибытии Калбфляйш обнаружил Кассиуса Клея-младшего с окровавленной ногой. Долговязый пятнадцатилетний мальчик сказал, что отец порезал его ножом, его слова подтвердила мать.

Когда много лет спустя Калбфляйш давал интервью на эту тему, он не сказал, что спровоцировало нападение. Он не мог вспомнить, был ли порез на икре или на бедре, на левой или правой ноге. Он помнил лишь, что рана была несерьезной и не требовала наложения швов. Учитывая, что случаи домашнего насилия с участием чернокожих семей практически никогда не доходили до суда, белые полицейские решили, что арест Кассиуса Клея-старшего будет пустой тратой времени. «Сначала они готовы убить друг друга, – рассказывал Калбфляйш, вспоминая домашние ссоры между чернокожими мужчинами и женщинами, – а когда приходила пора идти в суд спустя пару месяцев, они уже забывали про свои обиды».

К этому времени полиция Луисвилла уже хорошо знала Кэша Клея. Им неоднократно доводилось приезжать на вызовы Одессы, когда она жаловалась на пьяные побои мужа.

Несколько раз они арестовывали Кэша за вождение в нетрезвом виде и за нарушение общественного порядка после его ночных попок в зланных местах Dreamland или Club 36. Но ему удавалось избежать тюрьмы во многом благодаря своему белому адвокату по имени Генри Садло, который по совместительству был членом боксерской комиссии штата. Разумеется, в жизни Кэша были и другие случаи конфликтов с полицией, и примеры неподобающего поведения, ускользнувшие от внимания общественности. Прежде всего Кэш Клей был пьяницей и бабником. «Он приударил за моей тетей, – сказал Говард Брекенридж, который проживал в районе Маленькой Африки Луисвилла. – Раз уж на то пошло, он ухлестывал сразу за обеими моими тетушками». Кэш Клей любил приударить за самой пышной женщиной в баре, но зачастую все заканчивалось дракой с самым крупным и сильным мужчиной в помещении.

Все три дня, что Кассиус страдал от пореза на ноге, он не появлялся на тренировках. Его тренер Джо Мартин почувствовал неладное. «Наконец, – сказал Мартин, – он пришел, перебинтованный на месте пореза. Я спросил, что случилось, а он рассказал историю о том, как упал на бутылку с молоком». Мартин был копом, поэтому Кассиус не мог одурачить его. Позже в этом же году Клей рассказал Мартину правду: это отец порезал его, когда он попытался разнять дерущихся родителей. «Я еще задолго до этого знал, что паренек до смерти боялся своего старика», – сказал Мартин.

По прошествии многих лет Кассиус и Руди рассказывали журналистам, что провели счастливое детство в счастливом доме, не избалованные деньгами, но и не голодные. Они знали о неконтролируемых вспышках гнева своего отца, но не боялись его. Они упоминали, что иногда отец устраивал драки и отводил их в ванную, где «порол» их за разные проступки, но братья не считали такое наказание чем-то из ряда вон выходящим. Руди вспомнил, что у отца было по крайней мере двое детей, зачатых вне брака, и что Одесса знала об их существовании. По воспоминаниям Руди, самый громкий скандал разразился, когда Одесса всыпала Кэшу, узнав об одной из его интрижек. Но чтобы отец бил мать – такого он не припомнил.

«Каждый день был как в раю, – сказал Руди Клей спустя многие годы. – Небесная благодать!»

Кассиус, который всегда охотно беседовал с журналистами, никогда не вдавался в подробности своих отношений с отцом. Был ли отец причиной, почему он воздерживался от употребления алкоголя? Увлёкся ли он боксом, потому что чувствовал себя дома в опасности? Он никогда не затрагивал подобных тем.

Клей лишь ограничивался фразой: «Все, что могу сказать, – у меня было хорошее детство».

В 1959 году Кассиус Клей не попал в номинацию «Лучший спортсмен школы» в альбоме выпускного класса Цен-

тральной средней школы, которую он посещал. Эта честь досталась звезде баскетбольной команды Вику Бендеру, другу Кассиуса. Несмотря на то, что он был выше и намного быстрее большинства своих одноклассников, Клей мало интересовался командными видами спорта и не присоединился ни к одной популярной команде своей школы. Как он объяснил много лет спустя: «Пожалуй, единственным спортом, который я рассматривал, был американский футбол, но мне он не нравился, потому что в нем невозможно выделиться: приходится с ног до головы обвешиваться экипировкой, из-за которой зрители не могут тебя толком разглядеть». Бокс стал его жизнью, его религией, главной причиной, по которой он просыпался по утрам. Он выполнял упражнение «бой с тенью» прямо на переменах, нанося удары, которые оставались в дюйме от шкафчиков, расставленных вдоль стен школьных коридоров. На уроках он рисовал картинки боксерских рингов, боксерских перчаток и курток, наподобие тех, что носили игроки футбольной команды его школы, но украшенные словами «Золотые перчатки»⁷ или «Чемпион мира в тяжелом весе». Он раздавал одноклассникам автографы: «Кассиус Клей, чемпион мира в тяжелом весе».

Однажды, когда Кассиус витал в облаках, его окликнула учительница и велела ответить на вопрос, который мальчик

⁷ «Золотые перчатки» – ежегодный турнир по любительскому боксу, проводимый в США. В нем может принять участие любой боксер-любитель из США в возрасте от 16 лет.

прослушал.

– Кассиус, – сказала она, – ты вообще слушаешь?

– Да, – соврал он.

– Тогда ответь на вопрос, – сказала учительница.

Тишина.

– Кассиус, что ты собираешься делать со своей жизнью? – спросила учительница.

Кассиус продолжал молчать, но трое мальчишек из класса подняли руки, и один из них выпалил:

– Кассиус умеет драться!

После решения Верховного суда по делу «Браун против Совета по образованию» губернаторы некоторых южных штатов объявили, что будут игнорировать или даже препятствовать появлению смешанных классов из темнокожих и белых детей в общеобразовательных школах. Протест набирал обороты с молчаливого согласия президента Дуайта Эйзенхауэра. В ситуации, когда ключевые посты в обществе занимали белые лидеры, интеграция чернокожих тормозилась, напряжение росло, вспыхивали протесты, и многочисленные афроамериканские сообщества захлестнула волна насилия.

Но Луисвилл избежал этой участи.

Осенью 1956 года, за год до того, как Кассиус Клей поступил в Центральную старшую школу, смешанные классы были введены в школы Луисвилла без явного ожесточенного сопротивления. Школьный инспектор постановил, что 46

000 учеников общеобразовательных школ (27 % из которых были черными) должны посещать образовательные учреждения, которые расположены ближе всего к месту проживания, независимо от того, была ли эта школа для черных или для белых. Это значило, что большинство школ оставалось сегрегированными, поскольку львиная доля районов была заселена либо черными, либо белыми. Это правило также содержало лазейку: если родители не хотели, чтобы их ребенок посещал школу, где он будет составлять расовое меньшинство, они могли запросить перевод в другое образовательное учреждение. Другими словами, детей не принуждали посещать школу, в которой преобладали ученики отличного цвета кожи. Лидеры афроамериканских общин выступили против этой лазейки, но школьный инспектор был непреклонен, и черное сообщество смирилось с таким положением дел. Нехотя и со скрипом, но процесс интеграции смешанных школ продвигался.

После начала учебного года в сентябре 1956-го, в день, когда пятьдесят четыре из семидесяти трех школ города перешли на формат смешанных классов, газета New York Times докладывала из Луисвилла: «Белые и негритянские дети вместе шли по школьным коридорам. Они торжественно в унисон декламировали Клятву верности флагу. Ученики разного цвета кожи бок о бок сидели за партами, а когда первый день учебы подошел к концу, они весело бросились вниз по ступенькам. Кажется, что расовые конфликты оста-

лись в прошлом».

Год спустя, осенью 1957 года, в белой Центральной старшей школе в Литл-Роке, Арканзас, члены Национальной гвардии штата наставили штыки своих ружей на пятнадцатилетнюю чернокожую девочку, которая хотела попасть на занятия, и оттеснили ее в сторону злой толпы, рвущейся растерзать ее на части. После трехнедельного противостояния в город прибыли вооруженные федеральные войска, чтобы обеспечить безопасность девочки и восьми других чернокожих учеников, впоследствии прославившихся как «Девятка из Литл-Рока». Этот случай облетел передовицы мировых газет. Но в Луисвилле царил покойствие.

Ранние попытки обеспечить интеграцию чернокожих в Луисвилле не увенчались особым успехом. Хотя белые родители не возражали отправлять своих детей в школу с черными детьми, им не хотелось, чтобы их чад обучали чернокожие учителя. Лидеры афроамериканцев протестовали, но школьный инспектор был непреклонен, настаивая на том, что образование от афроамериканцев может пагубно сказаться на белых детях. Один из учителей истории Кассиуса Клея, чернокожий по имени Лиман Джонсон, начал кампанию против школьного округа с целью изменить сложившуюся ситуацию. После двух лет протеста округ согласился набрать десять чернокожих учителей из числа тех, кто производил «хорошее впечатление» и не был «слишком агрессивным в расовых вопросах», на места в преимущественно бе-

лых школах.

Даже в миролюбивом Луисвилле белые лидеры смирились, что больше не смогут рассчитывать на покорность и равнодушие афроамериканцев. Жертвы рабства и сегрегации обрели небывалую уверенность, когда закон встал на их сторону. В 1955 году Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения подала петицию о десегрегации в 170 школьных советов в 17 штатах. В некоторых общинах сопротивление белых усилилось, а межрасовые конфликты обострились. Приобрели популярность Открытые расистские советы белых граждан. Главным оружием чернокожих мужчин и женщин в борьбе за свои права были бойкоты. Тем не менее школа, которую посещал Кассиус Клей, по-прежнему оставалась преимущественно черной в течение нескольких последующих десятилетий.

Со времен своего основания в 1882 году, в те дни известная как Центральная средняя школа для цветных, эта школа была гордостью афроамериканского сообщества Луисвилла. В 1952 году в школе Кассиуса был проведен ремонт на четыре миллиона долларов. Внушительное здание из красного кирпича – 111 кабинетов, включая бассейн, радиостанцию и библиотеку с двенадцатью тысячами книг, – неплохо бы смотрелось и на территории университета. В дополнение к математике, естественным наукам и английскому языку ученики могли посещать занятия по химчистке, работе с листовым металлом, радио, ремонту электрооборудова-

ния, сантехнике, драпировке, косметологии, обслуживанию кафе-кондитерских, кулинарному мастерству и управлению закусочными.

Ничего из перечисленного не интересовало Кассиуса Клея.

«Он был глуп как пробка», – вспоминает спустя годы Марджори Миммес, одна из его одноклассниц на год младше Кассиуса, с которой он недолго встречался.

«Не самый смысленный парень», – сказал его друг Оуэн Ситгрейвс.

«В школе я сидел рядом с тощим парнем в очках и списывал у него», – признался Кассиус годы спустя, комментируя свой подход к учебному процессу.

В январе 1957 года, когда он был зачислен в младшую среднюю школу Дюваля, Кассиус прошел стандартный тест на коэффициент интеллекта и набрал восемьдесят три балла, что было ниже среднего. За первый год обучения в центральной школе он получил шестьдесят пять баллов по английскому языку, шестьдесят пять по американской истории, семьдесят по биологии и семьдесят по искусству. 31 марта 1958 года Клей ушел из школы, не окончив десятый класс. В школьных документах не нашлось объяснения этому поступку, хотя, вероятно, виной были плохие оценки и напряженный график тренировок.

Для перехода в следующий класс требовалось набрать минимум семьдесят баллов, а значит, Клей провалил два пред-

мета и едва сдал два других. Этой же осенью он снова зачислился. Плохие оценки отчасти объяснялись его активной боксерской деятельностью. В 1957 году Кассиус принял участие по крайней мере в двенадцати любительских боях. Несмотря на проигрыш в трех из них, всем любителям спорта Луисвилла стало очевидно, что парень обладал огромным потенциалом боксера.

Хотя с орфографией и пунктуацией дела у него обстояли получше, чем у родителей, Кассиус испытывал трудности с чтением и письмом. Годы спустя члены его семьи скажут, что у Кассиуса была дислексия – «очень запущенный случай», по словам его четвертой жены, Лонни, – но во время его молодости этот диагноз был еще малоизвестен. Даже такая тривиальная вещь, как статья в спортивной колонке, казалась для него серьезной задачей, занимая в два-три раза больше времени, чем следовало бы. С математикой Кассиус тоже не дружил, особенно если задачи содержали одновременно слова и цифры. Единственное, что ему нравилось в школе, так это общество ребят. Внимание – вот чего он жаждал больше всего на свете и был готов на все, лишь бы его получить.

«Бокс, – вспоминал он, – позволил мне почувствовать себя другим. Дети часто надо мной смеялись: “Он возомнил, что станет бойцом. Черта с два у него выйдет”. Но мне всегда нравились внимание и слава... Привлекать внимание, устраивать шоу, я люблю это больше всего. И очень скоро я стал самым популярным парнем в школе».

Однажды он пришел в школу разукрашенный губной помадой и изображал из себя девчонку. В другой день он устроил розыгрыш, притворяясь, что колотит друга головой о шкафчик, пока до других детей не дошло, что это трюк. Он носил свои деньги в монетнице, аккуратно сложив банкноты, в то время как никто другой из парней в здравом уме не осмелился бы щеголять с таким аксессуаром. Он называл себя «красавчиком» – словом, которое мальчишки почти никогда не применяли по отношению к себе. Когда Кассиус не гонялся за школьным автобусом, он рассекал на мопеде. Если во время этого он замечал девочек, то последний поворот проделывал на такой высокой скорости, что те визжали и закрывали глаза в ожидании аварии, которой никогда не случалось. Это было чистой воды ребячеством, но для Клея, который стремился завоевать расположение одноклассников, а не учителей, это было делом первоочередной важности.

«Я не знаю никого, кому бы не нравился Кассиус Клей», – сказал его одноклассник Вик Бендер.

Возможно, с помощью этих выходов он пытался компенсировать свои проблемы с чтением. Кассиус не только заставлял людей смеяться, но также научился внимательно слушать и считывать настроение окружающих, очаровывать, сглаживать острые углы юмором и, когда ничего другое не помогало, кулаками. Ученые еще не до конца разобрались в этом вопросе, но для некоторых людей дислексия может стать преимуществом. Исследования показали, что чтение

перестраивает мозг, учит нас блокировать окружающий мир, заставляя забыть некоторые из визуальных способов восприятия информации. Возможно, поэтому некоторые дислексики обладают исключительными талантами к визуализации, глубже и детальнее, чем другие люди, понимают формы и траекторию движения объектов. Возможно, поэтому Кассиус Клей так мастерски мог предугадывать удары противника и уворачиваться от них. Его мозг не очень хорошо фокусировался на словах и предложениях, которые нужно было обрабатывать в определенном порядке, но был поразительно хорош в противоположном: быть готовым ко множеству событий одновременно и подмечать вещи, которые выглядят странно и неестественно. Вздернутая бровь, смена траектории движения плеча, судорога в мышце – для него это были потенциальные зацепки при встрече с очередным противником на ринге. Скоростная работа мозга помогала Кассиусу держаться на безопасном расстоянии. Возможно, читатели из дислексиков выходят никудышные, но из них получаются отличные охранники: они могут считывать настроения в людном месте, даже если с трудом понимают, о чем толкует человек напротив. Они улавливают закономерности и видят возможности там, где другим это не под силу. Ученые полагают, что дислексия часто встречается среди шоуменов и людей с выраженными лидерскими качествами, особенно среди тех, кто показывает предрасположенность к креативному мышлению, выделяется из толпы и умеет видеть кар-

тину целиком.

В июле 1958 года в возрасте шестнадцати лет Кассиус начал хвастать, что собирается бросить вызов самому отмо-роженному парню во всем Вест-Энде и, возможно, даже во всем Луисвилле. Злодея звали Корки Бейкер. Если Кассиус на тот момент зарекомендовал себя в роли боксера-любителя, то Бейкер был легендой, самым сильным и злобным парнем в округе. Его имя произносили шепотом, если он показывался неподалеку в поисках драки. Корки Бейкер носил кожаную куртку, был дерзок и заставлял даже взрослых мужчин переходить на другую сторону улицы, чтобы ненароком не попасться ему на глаза. «Он был просто зверь, – вспоминает местный житель Говард Брекенридж, ровесник Бейкера. – Однажды я видел, как он поднял автомобиль».

Кассиус Клей знал, как боксировать, но Корки Бейкер знал, как драться, и был тяжелее Кассиуса на 20 фунтов.

– Ты спятил, если собираешься выйти с ним на ринг, – сказал Кассиусу его друг Джон Пауэлл в 1958 году.

– Я надеру ему зад, – ответил Кассиус.

Подготовка к бою была грандиозной. Весь Вест-Энд стоял на ушах. «Это событие взбудоражило маленький город, почти как легендарный бой между мной и Джо Фрейзером годы спустя, – скажет потом Клей. – В своем роде эта битва имела для меня такое же большое значение».

Когда начался бой, Бейкер кинулся на оппонента с безу-

мием убийцы и напором разъяренного быка. Кассиус отвешивал левые джебы и ускользал от ударов противника, пока тот окончательно не выбился из сил. Нос Бейкера кровоточил, а под его глазом красовался свежий фонарь. «Это нечестно!» – выкрикнул Бейкер в середине второго раунда, перед тем как, пошатываясь, покинуть ринг.

«Мужик, – сказал Джон Пауэлл Кассиусу после боя, – теперь ты самый крутой из всех моих знакомых».

В промежутке между двенадцатью и восемнадцатью годами, начиная с ноября 1954-го, когда у него состоялся первый любительский бой, и заканчивая летом 1960-го, Кассиус Клей 106 раз принимал участие в любительских боксерских матчах, согласно записям, которые вел Джо Мартин. Некоторые исследователи ставят эту информацию под сомнение. В своей автобиографии легендарный боксер сказал, что участвовал в 167 любительских боях. По последним проверенным данным рекорд Кассиуса составлял 82 победы (из них двадцать пять нокаутами) и 8 поражений. Вероятнее всего, в этот список не попало несколько боев.

Даже если отбросить точные цифры, ясно, что Кассиус Клей дрался на постоянной основе, в среднем раз в три недели, и побеждал намного чаще, чем проигрывал. Он бы дрался чаще, если бы не вынужденный четырехмесячный перерыв по наставлению доктора, который услышал шумы в сердце у боксера. В дополнение к организованным боям Кассиус

готовился к соревнованиям, принимая участие в спаррингах по меньшей мере три-четыре раза в неделю.

Руди также занимался боксом, и братья нередко участвовали в соревнованиях вместе, хотя никогда не дрались друг против друга. «По правде говоря, – сказал Вик Бендер, боксер, который дружил с обоими братьями Клей, – нам казалось, что Руди обладал большим потенциалом, чем Кассиус. Он был немного сильнее». Кэш и Одесса Клей ходили практически на каждый бой своих мальчиков. Для взрослого человека есть что-то пугающее в том, чтобы видеть, как худой нескладный мальчик-боксер по звону гонга превращается в жестокую машину для убийств с дикими глазами и клокочущими гормонами.

В день боя Кэш кричал и улюлюкал, колотил руками по воздуху, в то время как его сыновья размахивали кулаками на ринге, а Одесса, зажмурившись, стонала. После драки Клей отправлялся домой, где съедал мясной рулет или большую порцию домашнего чили Одессы со спагетти, а на десерт была не менее огромная порция ванильного мороженого.

Чем больше Кассиус дрался, тем ярче проявлялся его неповторимый стиль. Некоторые бойцы рвутся на оппонента, чтобы обрушить на него мощные удары, но Кассиус предпочитал нарезать круги вокруг противника, нанося удар и уворачиваясь, отклоняя голову назад вместо того, чтобы нырять под удары. Прыжки и танцы не спасали, когда против-

ник оказывался в непосредственной близости от него. Однако Кассиус понял: если ему удастся соблюдать дистанцию и постоянно двигаться, то он сможет избежать урона. Пожалуй, главным его талантом был глазомер: немислимым образом ему удавалось оставаться в недосягаемости противников, а затем приближаться ровно настолько, чтобы нанести ощутимый удар. Позже Клей сказал, что обладал «встроенным радаром». «Я знаю, насколько нужно отклониться назад, когда нужно нырять или войти в клинч. Я понял, что это целая наука – изнурять своего противника. Я научился держать голову в досягаемости удара, заставлял моего оппонента наносить удары, уворачивался, держа глаза открытыми, чтобы ничего не ускользнуло от моего внимания, затем шаг в сторону, вправо или влево, мой джеб доставал его снова и снова, потом возвращаю голову в досягаемость удара. Боец тратит много энергии на удары в пустоту. Когда мощнейшие удары не достигают цели, это подрывает дух».

Такой подход таил свои опасности. Бойцов учат держать руки на уровне головы, чтобы блокировать удары, но Кассиус держал лицо открытым, соблазняя своих противников перейти в атаку, от которой он уворачивался, полагаясь исключительно на свои рефлексy. Кроме того, соблюдая дистанцию, Кассиус почти вычеркнул из своего арсенала удары в корпус. Он редко подступал близко и бил противника по ребрам. Он редко наносил удары, вкладывая в них всю массу своего тела. Али сражался как истребитель, а не как танк,

рассчитывая на скорость, ловкость и хороший прицел.

Несмотря на то, что Кассиус Клей был быстр и пропускал меньше ударов, чем большинство молодых бойцов, его скорости не хватало, чтобы увернуться от всех мощных атак, направленных в его сторону. 4 февраля 1955 года, всего через три месяца после своего первого любительского боя и спустя три недели после своего тринадцатого дня рождения, Кассиуса одолел молодой боец по имени Джеймс Дэвис. Летом того же года он победил одного боксера по имени Джон Хэмптон и проиграл ему на следующей неделе. 30 августа 1957 года пятнадцатилетний Кассиус избил семнадцатилетнего бойца из Луисвилла по имени Джимми Эллис, который в будущем ненадолго станет чемпионом мира в тяжелом весе. В поединке восемь дней спустя Клей, страдающий от пореза над глазом, проиграл в первом раунде против бойца по имени Терри Ходж. Через месяц после этого Кассиус снова сразился с Джимми Эллисом и снова проиграл, но в этот раз мнение судей не было единодушным.

По мере того как он набирался опыта и бросал вызов старшим боксерам, а его появления на телевидении принесли ему кое-какую местную славу, уверенность Кассиуса начала расти как на дрожжах, и вскоре молодой боксер уже пророчил себе победу в национальном чемпионате «Золотые перчатки», после чего он стал бы профи и затем чемпионом мира в тяжелом весе. Друзья Клея уже устали от его фантазий, но ему было все равно. В школьной столовой он брал сра-

зу два подноса для обеда, который включал шесть бутылок молока и целую гору сэндвичей, а если кто-то вздумал обвинить его в обжорстве, он говорил, что тренируется.

«Я начал заниматься боксом, поскольку верил, что это самый быстрый способ для черного человека пробиться в этой стране, – сказал он однажды. – Я особо не блистал в школе, из меня не получился бы футболист или баскетболист, потому что тогда мне пришлось бы пойти в колледж, сдавать экзамены, получать диплом. Боксер может просто пойти в зал, потренироваться, стать профессионалом, научиться побеждать в бою, и вот ты уже на ринге. Если ты достаточно хорош, у тебя получится заработать больше денег, чем спортсмены с мячом заработают за всю жизнь».

Кассиус продолжил посещать занятия в Центральной школе, но пропуски были для него в порядке вещей, учитывая плотное расписание боксерских турниров. Он находил время на подработку: приглядывал за детьми своих соседей и занимался уборкой в библиотеке Назаретского колледжа Луисвилла, где однажды одна из монахинь застала его спящим в дальней комнате.

Джо Мартин со своей женой Кристи возили свою команду юных боксеров на соревнования в Чикаго, Индианаполис и Толедо. «В те дни черным ребятам был запрещен вход в рестораны, поэтому я не брала с собой вообще никаких мальчиков, – рассказала Кристи Мартин репортеру. – Я заходила туда одна и заказывала, что они хотели, сколько бы гамбург-

геров ни запросил каждый парень, а затем приносила все в машину. С Кассиусом очень легко было найти общий язык, с ним было всегда просто договориться. Очень вежливый мальи».

Кассиус был не просто вежливым – в небольших компаниях он становился застенчивым, особенно в присутствии девочек. Но когда дело касалось бокса, он, несомненно, чувствовал свое превосходство. Он рано усвоил, что уверенность это мощное оружие. Уверенность делала его больше и сильнее, чем он был на самом деле, и порой это сбивало с толку его соперников. На соревновании в Луисвилле, когда ему было только двенадцать, он зашел в раздевалку команды гостей и начал задирать бойца по имени Джордж Кинг, которому был двадцать один год, женатый парень с ребенком. «Я выше тебя, – сказал Кассиус. – Думаешь, ты сможешь одолеть меня? – Он пронзил воздух двумя быстрыми ударами. – Думаешь, ты сможешь остановить этот джеб?»

Он сочинял стишки, которые позже станут его визитной карточкой. Например, этот был напечатан в газете Louisville Courier-Journal:

*Этот парень не жилец,
Стукну раз – ему конец!*

В феврале 1957 года, когда Кассиусу было пятнадцать лет, признанный боец в полутяжелом весе Уилли Пастрано при-

ехал в Луисвилл из Майами для участия в бою против Джона Холмана. Вечером, когда Пастрано находился в своем номере отеля, Кассиус позвонил ему из вестибюля. Трубку взял Анджело Данди, тренер Пастрано.

«Алло, – сказал Кассиус, – меня зовут Кассиус Марселлус Клей. Я обладатель “Золотых перчаток” Луисвилла... Я стану олимпийским чемпионом, а затем чемпионом мира. Я бы хотел встретиться с вами».

По телевизору не показывали ничего интересного, поэтому Данди и Пастрано разрешили Кассиусу подняться к ним в комнату. Кассиус спросил, может ли к нему присоединиться его брат.

Кассиус и Руди провели четыре часа в компании Пастрано и Данди, и все это время Кассиус задавал вопросы о тренировках и боксерских техниках. Позже Кассиус спросил, может ли он выйти с Пастрано на ринг, и Пастрано с Данди согласились. У Пастрано, уроженца Нового Орлеана, было за плечами более пяти лет опыта профессионального бойца, а через несколько лет он стал победителем чемпионата мира в полутяжелом весе. Но он пожалел о своем решении выйти на ринг с подростком Кассиусом Клеем.

«Он ударил меня множество раз, а мне совсем не хотелось, чтобы меня опозорил какой-то любитель, – сказал Пастрано. – За пределами ринга он не казался таким уж опасным, но когда ты встречаешься с ним лицом к лицу, он обрушивает на тебя эти длинные джебы, они получались у

него так быстро и так просто».

Год спустя, 25 февраля 1958 года, Кассиус Клей прибыл в Чикаго, чтобы принять участие в самом важном на тот момент бое своей жизни – турнире «Золотые перчатки». Около 250 лучших бойцов из двадцати штатов приняли участие в десятидневном турнире. Бои проходили на стадионе Чикаго, который когда-то был одним из самых больших крытых стадионов в мире и является тренировочной базой хоккейной команды «Чикагские черные ястребы». Кассиус уже дрался перед большой аудиторией в Луисвилле, и его выступления показывали по телевизору, но столь масштабную сцену он видел впервые. Для бойца нет ничего более волнительного, чем важный бой на большой арене, сигаретный дым в воздухе, крики и стоны, толпа, которая требует свежей крови.

После победы в первом раунде шестнадцатилетний Кассиус встретился с Фрэнсисом Терли, молодым работником ранчо из Раундапа, штат Монтана. Не особо высокий – метр семьдесят – Терли все-таки был крепким орешком. В своем первом бою на турнире он левым джебом разбил в кровь нос своего противника в первом раунде, а затем избил его, прижав к канату, и выдворил с ринга в третьем раунде. Терли и Кассиус обменивались более-менее равным количеством ударов в первом раунде, но во втором Терли заметил, что Кассиус держится на расстоянии, переносит вес на правую ногу и делает выпад, чтобы нанести удар. Тогда Терли, правильно рассчитав время, воспользовался брешью в обороне

и обрушил на соперника яростный поток ударов, от которых толпа взревела, а Кассиус рухнул на мат.

Все же Кассиус нашел в себе силы подняться, преодолевая гул толпы и звон у себя голове, а затем сбил Терли с ног ударом справа, впервые продемонстрировав свою способность восстанавливаться после ударов и продолжать борьбу. В заключительном раунде Кассиус танцевал вокруг соперника, полностью уворачиваясь от атак Терли, и судьи присудили победу юному боксеру из Луисвилла.

Кассиусу потребовалась еще одна победа, чтобы побороться за звание чемпиона в полутяжелом весе. Его оппонент в полуфинале оказался не из слабых: Кент Грин, который был не только на два с половиной года старше Клея, но и на 9 фунтов тяжелее его.

Ночью перед боем Кассиус и еще один боец из Луисвилла покинули отель «Сент-Клер», поймали такси и попросили водителя отвезти их куда-нибудь, где можно снять проститутку. Таксист отвез их на пересечение 47-й улицы и Калумет-авеню на Саут-Сайде, где к парням быстро подошли две женщины, одна чернокожая, другая белая, и озвучили цену в «семь баксов и два сверху» – семь долларов за секс и два за комнату. Кассиус выбрал черную женщину, которая в его глазах выглядела лет на тридцать. Она отвела подростков в здание неподалеку и вверх по шаткой лестнице, мимо стен, исписанных граффити.

– Хочешь, я устрою тебе кругосветное путешествие? – спросила проститутка у Кассиуса, ведя его к постели.

– Что такое кругосветное путешествие?

– Это когда всего понемногу.

Как он будет вспоминать годы спустя: «Она обхватила меня обеими руками и прижала к себе. “Просто толкай”, – сказала она. Паника исчезла, и внезапно я почувствовал себя мужчиной. “Двигайся вверх и вниз”, – сказала она. Я двигался вверх и вниз, вверх и вниз, пока наконец она не спросила: “Ты скоро? Поторопись. Ты еще долго?” Но я продолжал двигаться вверх и вниз. Она сказала что-то вроде: “Ну же! Ты еще не достиг оргазма?” Я понятия не имел, что она имела в виду. “Ты не чувствуешь удовольствия? Щекотки?” Я сказал: “Нет”. Больше нечего было сказать».

«Она оттолкнула меня, тогда я поднялся и принялся поспешно натягивать на себя штаны. Она поднялась и включила свет. Я вскрикнул: “Подожди! Подожди!” – И тут же снова вырубил свет. “Да что с тобой не так?” – закричала она. Я объяснил: “Я еще не оделся”. Я не мог смотреть на нее».

На следующий день, когда турнир продолжился на стадионе Чикаго, Кассиус использовал джеб – свой самый эффективный удар, – чтобы удержать от себя Кента Грина. Джеб достигал своей цели и больно били, но этого было недостаточно: Грин принимал удары и продвигался вперед. Приблизившись к Кассиусу, он превратил бой в настоящую мясо-

рубку, где преимущество было на стороне более сильного и крупного бойца. Ко второму раунду Кассиус полностью отказался от джеба и попытался уравнивать шансы с Грином хуками и апперкотами. Они шли нос к носу, обмениваясь мощными ударами. Вскоре Кассиус устал, а Грин продолжал наносить сокрушительные удары. Наконец, рефери остановил бой, объявив Грина победителем техническим нокаутом.

«Парню влетело будь здоров», – вспоминает Мартин.

После боя Клей плакал в раздевалке.

На следующий год Кассиус вернулся в Чикаго, чтобы принять участие в междугороднем турнире «Золотые перчатки». В семнадцать он все еще был худощавым, нескладным, с плоской грудью и торчащими ребрами, но он вырос до шести футов [≈ 183 см] и весил более 179 фунтов [≈ 80 кг].

Кассиус выступал за команду Чикаго, куда входили боксеры из двадцати штатов, пробился до финала в категории полутяжелого веса, где встретился с Тони Мэдиганом, двадцатидевятилетним уроженцем Австралии, одним из самых прославленных борцов в полутяжелом весе, который представлял свою страну на Олимпийских играх в 1952-м и 1956-м, а затем переехал в Нью-Йорк. Несмотря на свой возраст и опыт, Мэдиган оставался любителем. Их бой 25 марта 1959 года проходил перед толпой из семи тысяч человек и транслировался на всю страну сетью ABC. Фаворитом матча был Мэдиган.

Даже в категории до 175 фунтов многие боксеры были си-

ловиками, то есть рассчитывали на силу удара, а не на подвижность. Мэдиган не был исключением. У него был сильный удар справа, и он дрался, словно это был не боксерский поединок, а пьяная потасовка в баре: прятал голову и до победного размахивал кулаками во все стороны. Как правило, на полу оказывался его противник. Мэдиган вышел победителем в 94 из 99 боев.

Но когда прозвенел гонг, стало понятно, что этот бой станет необычным как для Мэдигана, так и для фанатов бокса, которые собрались у черно-белых телевизоров или набились в дымный стадион, где наблюдали за привычным зрелищем двух силачей, схлестнувшихся в битве. Джебы Клея сверкали с молниеносной скоростью, а сам боксер так быстро порхал по рингу, что короткорукый Мэдиган просто не мог до него дотянуться. Когда Мэдиган попытался прорвать оборону Клея, тот нанес удар слева в макушку противника и отскочил. После трех или четырех левых ударов Мэдиган все еще заставлял себя двигаться вперед, а Кассиус остужал пыл боксера-ветерана сильным ударом справа. Вскоре глаза Мэдигана распухли, а лицо покраснело.

По мере того как более взрослый боксер ослабевал и терял скорость, стараясь сдерживать боль, Кассиус прекратил свои танцы и начал атаковать противника более серьезными ударами. Год назад ему не хватило сил, чтобы остановить Кента Грина, который победил благодаря своей грубой силе, но теперь Кассиус был сильнее. Единственной надеждой Мэ-

дигана было нокаутировать своего противника, но каждый раз, когда он собирался это сделать, Кассиус исчезал из зоны поражения удара. По итогам боя Кассиусу удалось одержать убедительную победу.

В начале 1950-х годов бокс испытывал серьезный спад популярности. С восстановлением экономики США у молодых людей появились лучшие варианты для работы. Миллионы ветеранов Второй мировой войны поступали в колледжи или на курсы профессиональной подготовки. По мере того как население страны переезжало из городов в пригородные районы, боевые секции начали исчезать, и все меньше людей посещали боксерские бои. Афро- и латиноамериканцы постепенно занимали место ирландских, еврейских и итальянских боксеров. В целом количество профессиональных боксеров в Соединенных Штатах сократилось на 50 %, и если бы не телевидение, то спад оказался бы еще более стремительным. В середине 1950-х годов бокс по-прежнему можно было наблюдать по телевизору почти каждый вечер, и по рейтингам он соперничал с популярнейшим сериалом «Я люблю Люси».

Из всех боев, что транслировались 25 марта 1959 года, поединок с Кассиусом Клеем был самым захватывающим. Фанаты ожидали увидеть, как с молодым боксером жестоко разделается его более взрослый и тяжелый оппонент. Но вместо этого они стали свидетелями первого настоящего триумфа будущей легенды. На следующий день в газетах по всей стране

был опубликован доклад от Associated Press:

В среду вечером Нью-Йорк второй раз подряд одержал беспрецедентную победу над Чикаго на междугородном турнире «Золотые перчатки», но все внимание было приковано к Кассиусу Клею, который сражался за команду Города ветров.

Клей, 17-летний ученик старшей школы из Луисвилла, штат Кентукки, доказал, что для своего возраста ему хватило сноровки и проницательности, чтобы за три раунда поставить убедительную точку в матче.

Мир начал замечать таланты молодого бойца, как тот всегда и предсказывал.

5. Пророк

Как правило, перед выходом на ринг боксеры берегли силы, собирались с мыслями, слушали последние наставления своих тренеров, молились или испытывали приступ рвоты. Однако к Кассиусу Клею это не относилось: он был на ногах, дрался с тенью, травил анекдоты, хвастался и любовался своим отражением в зеркале, будто бы безделье было единственным, чего он по-настоящему боялся. Спустя годы он признался друзьям, что испытывал страх перед каждым боем. Если так, то ему прекрасно удавалось его скрывать. Страх бойца исчезали вместе со звоном гонга.

В 1959-м, перед его боем с Тони Мэдиганом, который показывали на всю страну, Клей не мог усидеть на месте, действуя на нервы другим бойцам. Он находился в Чикаго за триста миль от дома, и ему хотелось чем-нибудь себя занять. Не хотят ли другие парни что-нибудь проверить? Он продолжал задавать этот вопрос, пока не получил ответа, который хотел услышать.

«Мы тренировались вместе, – сказал Уилберт «Скитер» Макклюр, боксер-подросток из Толедо, – и я помню, как Кассиус упрашивал всю команду: “Ребята, улицы просто кишат хорошенькими девочками, и мы должны с ними встретиться”». Некоторые из ребят боялись самостоятельно исследовать закоулки Чикаго. Другим хотелось отдохнуть пе-

ред предстоящими боями. Но Клей не унимался: «Ну же, давайте наденем наши куртки участников “Золотых перчаток” и покрасуемся перед девчонками». В конце концов старший наставник боксеров сдался и организовал вылазку в старшую школу «Маршалл» в Вест-Сайде.

«Милые девочки устроили нам экскурсию, – вспоминает Макклюр. – Затем мы отправились на обед в столовую, где нас поджидало еще больше милых девочек. Куда ни глянь – везде красотки. А тот самый парень, который большего всего подмывал нас на это дело, просто сидел и все время пялился на поднос с едой. Он и слова не проронил».

Некоторые из ребят, которые познакомились с Клеем на этих боксерских турнирах, находили его невероятно забавным; их не отталкивало хвастовство Кассиуса, которое они воспринимали в шутку. Других же возмущала его заносчивость. Никто не помнит, чтобы он поднимал темы политики, расы, мировых новостей или культуры. Он хотел драться. Он хотел стать великим. Он хотел стать знаменитым и богатым. Он хотел хорошо провести время. На этом всё.

С 1958 года Клей три раза побывал в Чикаго. Именно Чикаго открыл ему дверь во взрослую жизнь и окунул в суету мегаполиса, попутно показав новые грани расового вопроса. Ни для Клея, ни для вновь прибывших людей из южных штатов, приехавших сюда в поисках лучшей жизни, Чикаго не стал Землей обетованной. Между черными и белыми семьями сохранялась глубокая пропасть по уровню достат-

ка и условиям жизни. Для черных по-прежнему были закрыты многие вакансии, заведения, клубы и целые районы. Как писал социолог Гуннар Мюрдаль в 1944 году, в северных штатах «в целом почти все выступают против дискриминации, но в то же время почти каждый практикует дискриминацию в своей частной жизни». Тем не менее Чикаго подарил Клею его первый сексуальный опыт и первую известность в крупных СМИ. Чикаго укрепил его уверенность на боксерском ринге и показал, что Клей мог сражаться против лучших бойцов в стране, и уже это, как ничто другое, заставило Клея поверить в свои силы. Пускай сегрегация в Чикаго и была сильна, но в этом городе чувствовалась свобода, которой не было в Луисвилле. Дело не только в том, что Кассиус находился за многие мили от своих родителей – он был на Севере, в городе, где многие черные с Юга осознали, что могут более открыто выражать свои взгляды. Здесь темнокожие могли ходить по тротуару, не уступая дорогу белому человеку, и спокойно сидеть рядом с белой женщиной в буфете. Здесь молодой человек, как Кассиус Клей, мог вести себя дерзко, не боясь жестокой расправы.

Ко всему прочему, именно в Чикаго Кассиус Клей повстречал человека, который оказал колоссальное влияние на его жизнь.

Элайджа Мухаммад называл себя пророком «Нации ислама», религиозного движения, исповедующего идеи черного

национализма и сепаратизма. «Нация ислама» базировалась в чикагском Вест-Сайде, где обитала львиная доля темнокожих жителей города. В мечетях и переулках последователи Элайджи Мухаммада проповедовали идею о превосходстве черных, которая начала находить отклик в сердцах молодых афроамериканцев в 1950-х, по мере того как в них закипала ярость, подогреваемая сегрегацией и насилием на расовой почве. Последней каплей стала расправа над Эмметтом Тиллом. Если европейцы и белые американцы поклонялись белому Христу, а буддисты в Китае почитали Будду, который имел азиатские черты, то почему негры не поклонялись негритянскому богу? Этим вопросом задавался Элайджа Мухаммад. И если имена европейцев и китайцев уходили корнями в их культуру и наследие их предков, то почему чернокожие Америки до сих пор используют имена, дарованные рабовладельцами, которые, словно фермеры, клеймили таким образом свой скот? Это были условия, навязанные белыми без согласия пострадавших, условия, при которых темнокожие мужчины и женщины перманентно низводились до позиции неполноценных, условия, которые могли изменить лишь жесткие требования со стороны чернокожих.

Членам «Нации ислама» было недостаточно того, что суд постановил сегрегацию незаконной в школах, в поездах, автобусах и на пляжах. Это ничего не значило до тех пор, пока с афроамериканцами обращались, как с людьми второго сорта, и они куда с большей вероятностью, чем белые соседи,

могли угодить в тюрьму, остаться безработными, оказаться на низкооплачиваемой вакансии, бездомными или голодными; у них было больше шансов умереть молодыми, быть убитыми полицией или линчеванными толпой.

В 1950-х народы Африки наконец-то освободились от оков колонизации. Неужели афроамериканцы останутся последним живым напоминанием о расовом унижении и покорности? Элайджа Мухаммад заверял своих сторонников, что черные избегут этой участи. Если верить его пророчеству, скоро возникнет новая нация свободных афроамериканцев, которая займет одну пятую территории Соединенных Штатов. Тысячи чернокожих американцев – особенно наиболее обездоленные группы, включая заключенных и безработных, которые составляли ядро последователей «Нации ислама», – находили утешение в словах Элайджи Мухаммада. Мухаммад не принимал пацифизм, свойственный лидерам движения за гражданские права, таким как Мартин Лютер Кинг-младший, и отвергал политику Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, которая ратовала за постепенные изменения в американской судебной системе.

Элайджа Мухаммад родился в сельском районе Джорджии под именем Элайджи Пула в семье издольщика в 1897 году. В 1923-м Пул, как и многие другие, переселился на север, обосновавшись в бедном районе Детройта, где экономические условия были немногим лучше, чем в Джорджии.

Пул много пил и полагался лишь на правительственную помощь, но однажды он увлекся учением таинственного проповедника по имени Уоллес Фард Мухаммед, чернокожего мужчины, который ходил от дома к дому и продавал одежду, якобы похожую на ту, что носили чернокожие на Среднем Востоке. Фард заявлял, что происходил из Мекки, но в действительности никогда там не был. Он представлялся самыми разными чудаковатыми именами, в том числе мистером Фардом Мухаммедом, мистером Ф. Мухаммедом Али, профессором Фордом и мистером Вали Фардом. Какое бы имя он ни выбрал, Фард понимал, что покупатели хотели больше услышать о местах, куда уходили корни их народа, где чернокожие были гордыми членами большинства, где они молились не Иисусу, а богу по имени Аллах, где они гордились цветом своей кожи и историей своего происхождения.

Вскоре Фард начал организовывать собрания по всему сообществу, называя себя пророком и рассказывая слушателям, как они могли бы улучшить свое здоровье, избегая определенных продуктов. По мере роста своей популярности Фард все больше критиковал христианскую Библию и «голубоглазых дьяволов» – выходцев из белой расы. Фард сказал, что черные люди вырвутся из нищеты и будут процветать, если вернуться к древнему исламскому наследию и примут философию чистоты, независимости и добросовестной работы. Они сформируют свою собственную, независимую нацию. «Планета-мать», парящая в космосе и телепати-

чески управляемая черными пилотами, уничтожит Землю, и в живых останутся лишь те, кто уверовал в его послание. По словам Фарда, это катастрофическое событие, скорее всего, должно было произойти в 1966 году.

Как бы странно это ни звучало, но его философские взгляды были отнюдь не новы. Выдающийся афроамериканский просветитель Букер Талиафер Вашингтон и бесчисленное множество других чернокожих лидеров давно проповедовали идею о важности нравственности и трудолюбия. В 1920-х годах Нобл Дрю Али (урожденный Тимоти Дрю из Северной Каролины) основал Мавританский научный храм Америки, где учил, что все цветные люди изначально были мавританами или мусульманами. А борец за права черных Маркус Гарви разжигал воображение бесчисленных мужчин и женщин своими речами о негритянской гордости и призывами покинуть Америку и вернуться в Африку.

Фард назвал свою новую религиозную группу «Нацией ислама». За несколько лет он основал Храм ислама и Университет ислама, оба в Детройте, и собрал вокруг себя около восьми тысяч последователей. Элайджа Мухаммад стал одним из первых членов религиозного течения. В 1934 году Фард назначил Мухаммада главным посланником ислама и наделил его полномочиями управлять организацией. Вскоре после назначения Элайджи Фард исчез, и о нем больше никто не слышал. Элайджа Мухаммад почти единолично продолжил учение Фарда, обожествил своего наставника и

значительно расширил охват «Нации ислама». Во взглядах Элайджи Мухаммада иронично сплелись как американские, так и принципиально консервативные элементы, даже если они включали истории о космических кораблях. Он призывал чернокожих людей перестать ждать помощи от белой Америки. Единственный выход, по словам Мухаммада, заключался в том, чтобы чернокожие шли своим путем: открывали собственный бизнес, совершали покупки только у черных бизнесменов и в конце концов сформировали бы собственную страну.

К 1955 году «Нация ислама» разрослась так сильно, что привлекла внимание Федерального бюро расследований, где организацию называли мусульманским культом, или МК, дав ему характеристику «выраженного антиамериканского и жестокого культа». Справка, которую получали оперативные сотрудники ФБР, гласила:

1. МК это фанатичная негритянская организация, которая на первый взгляд продвигает принципы ислама, но на самом деле пропагандирует ненависть к белой расе. Службы, проводимые в храмах, лишены какого-либо подобия религиозных учений.

2. С точки зрения организации МК – это собрание независимых храмов, связанных непрочными личными отношениями между главами храмов и штаб-квартирой культа в Чикаго, штат Иллинойс.

3. Хотя МК и является крайне антиамериканской организацией, в настоящее время она недостаточно велика и не способна нанести серьезный ущерб стране, однако ее члены могут совершать отдельные акты насилия.

4. Цели и задачи МК направлены на свержение нашего конституционного правительства, поскольку члены культа считают его инструментом белой расы; следовательно, до тех пор, пока эта группа придерживается подобных идей, она будет оставаться под наблюдением ФБР.

Рост популярности «Нации ислама» был не только заслугой Элайджи Мухаммада – этому способствовало и растущее недовольство среди чернокожих американцев. «Без несовершенства западного общества, – писал Луис Ламакс, один из первых журналистов, который задокументировал историю «Нации ислама», – не появилось бы и черных мусульман». Аналогично идеи черных мусульман не нашли бы отклика в сердце Кассиуса Клея, если бы не расизм, который он вочию видел в детстве, сердитые крики его отца, которые сотрясали стены их маленького дома, образ Элайджи Мухаммада, который казался мудрой, мощной и трезвой альтернативой его пьянице-отцу, и шокирующая смерть ни в чем не повинного Эмметта Тилла.

Кассиус Клей поддался чарам двух самых значимых явлений в его жизни: первым был бокс, жестокий по своей сути, но суливший славу, богатство и уважение. Вторым было

учение Элайджи Мухаммада, афроамериканца, который гордился своим цветом кожи, и будущего правителя мира, готового прибегнуть к насилию и пойти наперекор белой Америке, чтобы добиться власти.

Из своей поездки в Чикаго на турнир «Золотые перчатки» в 1959 году Кассиус привез домой виниловую пластинку. Некоторые журналисты утверждают, что это были записи выступлений Элайджи Мухаммада, но, скорее всего, на пластинке была песня «A White Man's Heaven Is A Black Man's Hell» («Что для белого рай, то для черного – ад») за авторством и исполнением чернокожего активиста Луиса Фарраhana, также известного под именем Луис Икс. Она длилась больше десяти минут и занимала обе стороны пластинки на 45 оборотов. Под приглушенное музыкальное сопровождение в стиле калипсо Луис Икс скорее не пел, а декламировал что-то похожее на проповедь:

Почему нас называют неграми?

Почему мы глухи, глупы и слепы?

Песня призывала слушателей задуматься над этими вопросами. Почему все человечество развивалось, пока чернокожие люди оставались на обочине прогресса? Почему с черными обращались так плохо? Почему они лишились своих имен, языка, религии?

Для многих афроамериканцев «White Man's Heaven» послужила своеобразным приглашением в «Нацию ислама». Эта песня звучала из музыкальных автоматов многих кафе и ресторанов, принадлежавших черным, и продавалась в музыкальных магазинах, которыми владели чернокожие. На протяжении многих веков белый человек насаждал свою религию африканцам, зачастую делая это под предлогом освобождения. Но песня призывала детей рабства переосмыслить отношения с христианской церковью и по-новому взглянуть на себя. В словах песни отражалась философия Элайджи Мухаммада, который, как и Луис Икс, учил молодых людей, что они обладают гораздо большими талантами, чем предписывал им белый человек, поработивший их предков. Элайджа проповедовал, что у них были свои история и религия, что они могли вырваться из системы и унижительных ритуалов, которые сначала низвели их до положения рабов, а затем до статуса второсортных граждан.

По рассказам тети Клея, парень неустанно слушал пластинку, пока не достал всех в доме и окончательно не «промыл себе мозги», бесповоротно изменив свою жизнь.

Одержав победу над Тони Мэдиганом в национальном турнире «Золотые перчатки» в полутяжелом весе в марте 1959 года, Клей стал кем-то вроде боксера-любителя на полную ставку. В апреле он победил в соревнованиях Любительского спортивного союза США (ЛСС) по единогласному решению судей, одолев Джонни Пауэлла.

В мае он потерпел самое серьезное поражение за свою любительскую карьеру – большинством голосов победу присудили бойцу-левше Амосу Джонсону. Это поражение закрыло для Кассиуса путь на финал Панамериканских игр. Джо Мартин не переставал восхищаться, как Клею удавалось стоять на ногах и спокойно вести бой, несмотря на хорошую взбучку, которую устроил ему Амос Джонсон.

«Кассиус хорошо знал, как надо драться, если попал в беду, – рассказал Мартин репортеру. – Он никогда не паниковал, никогда не забывал, чему я его учил. Получив удар, он не сходил с ума и не бросался в атаку, как поступают некоторые ребята. Бывало, он пропустит хороший удар, а затем, боксируя, находит выход из ситуации... Лишь однажды я видел, как он упал без чувств, и это случилось в спортзале во время тренировки с боксером-любителем по имени Вилли Моран. У Морана был удар что надо... Короче говоря, в тот день он раскатал Кассиуса в лепешку. Помнится, на тренировке Клей рассказывал мне, что хочет мопед, а затем, когда сознание вернулось к нему, он сказал: “Мистер Мартин, куда уехал мопед, который меня сбил?” У него на уме был мопед. Я впервые видел, чтобы его оглушили. Ему было тогда лет шестнадцать, и его это не волновало. На следующий день он вернулся к тренировке с Мораном».

В 1959 году каждый уже знал, что череп служитместилищем для мозга, но мало кто думал, к каким последствиям могут привести систематические удары по голове. Наобо-

рот, способность выстоять перед ударом была олицетворением мужественности и дорогой в светлое будущее для такого юного бойца, как Клей.

Весной 1959 года Клей почти все время посвящал боксу, в среднем принимая участие в трех турнирах ежемесячно. Большинство соревнований проходило в выходные, но это не мешало Кассиусу пропускать множество дней учебы. Друзья больше не видели, как он гоняется за автобусом по пути в Центральную среднюю школу. Отныне Кассиус и Руди практически всегда занимались пробежками в Чикасо-парке и на близлежащих беговых дорожках. Братья оставались неразлучными: они разделяли комнату, обеды и режим тренировок. Руди принимал участие в соревнованиях практически так же часто, как его брат. Несмотря на то, что Руди показывал хорошие результаты, братьям и тренеру было очевидно, что из двоих Кассиус подавал больше надежд. Все дело было в таланте, а не в старании и силе. Кассиус обладал даром, которого был лишен его брат. «Он соображал быстрее, чем я, – сказал Руди. – Бокс это схватка двух умов».

Быть младшим братом Кассиуса Клея – непростая роль. Из двоих братьев Кассиус был лучшим спортсменом, более популярным, более забавным и харизматичным. Похоже, Руди Клей смирился со своим положением, подобно тому, как актер второго плана принимает свою судьбу, пока вся слава достается главной звезде фильма. Руди понимал, что во многом уступал брату, и просто наслаждался участием в шумном

карнавале, которым была жизнь Кассиуса Клея. Руди был самым близким соратником своего брата: Кассиус никогда не носил часов, потому что Руди всегда был рядом, чтобы сообщить ему точное время. Кассиус дал своему брату обещание: если ему подвернутся деньги, женщины, путешествия, слава – он разделит это с братом до последней капли.

К 1960 году Кассиус вырос до шести футов и одного дюйма [≈ 185 см] и весил около 180 фунтов [$\approx 81,6$ кг]. В марте он вернулся в Чикаго, чтобы вновь принять участие в соревновании «Золотые перчатки». В этот раз он выступал в категории тяжеловесов, а не полутяжеловесов, чтобы избежать возможного боя с Руди, который также принимал участие в соревнованиях. Победив в Чикаго, Кассиус отправился в Нью-Йорк, чтобы сразиться с обладателем «Золотых перчаток» по имени Гэри Джоиш, который был тяжелее Клея почти на сорок фунтов. Сначала Клей начал прощупывать Джоиша своими джебами, а затем поразил его молниеносными хуками. Он наносил удары так быстро и стремительно, что Джоиш потерял возможность сопротивляться, а вскоре уже не мог устоять на ногах. К третьему раунду рефери решил, что Джоиш не может продолжать бой, и объявил Клея победителем.

В первой половине 1960 года Клей дрался по расписанию, которое вполне могло подойти горячему молодому профессионалу. В апреле он снова победил в национальном турнире Любительского спортивного союза в полутяжелом весе и

принес домой трофей самого лучшего боксера соревнований. «Не сводите глаз с Клея, – писал спортивный промоутер и журналист Хэнк Каплан после турнира ЛСС. – Он самый многообещающий боксер-любитель в стране. У него не особо сильный удар, но он проворен и показывает быстрые комбинации».

Победа в чемпионате ЛСС дала Клею все шансы на участие в предстоящей олимпиаде. Но вместо отдыха он вернулся в Луисвилл, где продолжил драться и побеждать.

«Забудь об Олимпиаде, – сказал он Джо Мартину. – Я готов стать профессионалом».

6. Я молод, и мне плевать

Историки скажут, что 1959 год ознаменовал конец десятилетия «американской невинности». Это были времена, когда дух одержал победу над плотью, эра, которая запомнилась розовыми «Кадиллаками», «драйв-ин»-кинотеатрами и ресторанами, прилизанными рок-н-ролльщиками, вездесущим бейсболом и рейдами студентов за трусиками в женское общежитие. Все это переливалось яркими цветами, словно в голливудском фильме о юности.

Клея, который на тот момент заканчивал учебу в школе, совершенно не волновали тревожные слухи о войне, равно как и акция четырех чернокожих первокурсников Сельскохозяйственного и технического колледжа в Гринсборо, Северная Каролина. Студенты вежливо попросили кофе в закусочной «Вулворт», а затем, когда им отказали в обслуживании, сели там же в молчаливом протесте. Их действия всколыхнули волну сидячих демонстраций в семи других южных штатах. Вскоре в апреле 1960 года группа решительно настроенных темнокожих ребят сформировала Студенческий координационный комитет ненасильственных действий. Они участвовали в «рейсах свободы», направленных на борьбу с сегрегацией в автобусах, а также во множестве других протестных акций в защиту гражданских прав. Самодисциплина и храбрость этих молодых бунтарей могли най-

ти отклик в сердце Кассиуса Клея, но на тот момент парня не интересовала политика. Он был молод, красив и талантлив. Все его внимание было сосредоточено на боксе, девочках, машинах, деньгах и своем отражении в зеркале.

Когда один репортер обвинил Клея в самодовольстве, это, по-видимости, задело парня.

«Нет, – возразил он, – я просто молод, и мне плевать».

Однажды Кассиус посетил школьное шоу талантов в своей школе. Когда шоу закончилось, он заметил свою бывшую одноклассницу по имени Арета Суинт и поздоровался с ней. Арету исключили из школы в прошлом году после того, как она забеременела и родила мальчика. Она оставила ребенка дома с матерью, чтобы сходить на шоу талантов и повидаться со старыми друзьями. Когда выступления подошли к концу, Клей предложил Арете проводить ее до дома.

Большинство парней не хотели встречаться с девушкой, у которой был ребенок, пусть даже речь шла о такой красотке, как Суинт. Еще больше их настораживало, что отец ее ребенка отбывал срок в тюрьме. Но Клею не было до этого дела. Ему всегда нравилась Суинт, и он был не из тех, кого волновали подобные мелочи. После шоу Клей проводил Суинт до дома на Бичер-террас. Девушка наслаждалась компанией Клея. Ей нравился его заразительный смех. Несмотря на хвастливость, Кассиус показался ей простым и робким. Суинт знала, что Клей был звездой школы. Все девочки восхищались его спортивными успехами, его эффектной фигу-

рой с длинными мускулистыми руками, которые он при любом удобном случае старался демонстрировать, надевая обтягивающие белые рубашки с коротким рукавом. У него были красивая кожа и темно-карие глаза, а также маленькая щель между верхними передними зубами, и это несовершенство делало его еще более очаровательным. «Он был лакомым кусочком, – сказала Суинт, позже изменившая свое имя на Джамилю Мухаммад. – Он притягивал девочек как магнит». Но Суинт больше привлекала личность Клея, а не его внешность.

«Особенно мне в нем нравилось, – сказала она, – что он мог заставить забыть тебя обо всем плохом, даже если у тебя неудачный день. Он всегда на позитиве, всегда шутит. У него волшебное чувство юмора».

В тот вечер, когда Клей и Суинт дошли до Бичер-террас, они вместе поднялись до квартиры Суинт на втором этаже. Когда они подошли к двери, Клей наклонился для поцелуя. Суинт закрыла глаза, а затем послышался грохот. Но поцелуя не последовало. Когда Суинт открыла глаза, она увидела Клея, живой клубок из рук и ног, у подножия лестницы.

У него закружилась голова.

Он смущенно посмотрел на Суинт. «Никто не поверит в это», – промолвил он.

Весну и лето 1960 года Клей и Суинт провели вместе, хотя Клей был слишком занят боксом, а Суинт – своим малышом, чтобы их отношения переросли в нечто более серьез-

ное. Клею нравилось играть с мальчиком Суинт, Аланом. У малыша была плюшевая колли, и Клей, бывало, обматывал леску вокруг шеи игрушки, прятал ее под ковром, а затем заставлял собаку гулять по комнате.

«Каждая минута с ним была наполнена весельем, – сказала Суинт. – Вот таким человеком он был».

Клей постоянно твердил о своем намерении стать профессионалом, но пока оставался в лиге любителей. В мае 1950 года молодой боец приехал в Сан-Франциско, чтобы побороться за место в олимпийской сборной Америки. За возможность побывать на Олимпиаде соревновались восемьдесят молодых претендентов. Десять из них – каждый в своей весовой категории – попадут в команду и поедут на Олимпийские игры в Рим. Но прежде чем поучаствовать в отборочных соревнованиях, Клею пришлось преодолеть свой панический страх перед перелетами.

Кассиус Клей-старший боялся авиаперелетов, и во время первого полета молодого боксера из Луисвилла в Чикаго в 1958-м или 1959-м стало ясно, что фобия отца передалась сыну. В своей биографии 1975 года Клей описывал такую неистовую турбулентность, что «некоторые сиденья срывало с винтов на полу». В своих воспоминаниях Джо Мартин рисует во многом схожую картину: «Нас мотало во все стороны, на пол посыпались вещи, представляете? И вот самолет начал снижаться, а моторы загрохотали и взвыли. Я правда

подумал, что нам конец... Посадка была такой жесткой, что винты моего кресла повывлетали из пола, а на моем животе осталась черная отметина от ремня. В это время Кассиус Клей молился и кричал. Парень был до смерти перепуган».

Год спустя после этого травмирующего опыта Клей заявил Мартину, что пропустит отборочный тур в Сан-Франциско, если туда можно добраться только на самолете. Если бы он победил в Сан-Франциско, это означало бы, что ему предстоял еще один полет в Рим, а затем *еще один* обратно в Соединенные Штаты. Клей настаивал, что ему лучше поскорее стать профессионалом и распланировать бои в городах, куда он мог добраться на машине, автобусе или поезде. Он сказал, что его целью было стать самым молодым чемпионом-тяжеловесом в истории бокса. Клею было только восемнадцать, а значит, в запасе у него оставалось три года, чтобы побить рекорд Флойда Паттерсона, который стал чемпионом в возрасте двадцати одного года и десяти месяцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.